Спящий красавец

Автор:
Вера Чиркова

Спящий красавец

Вера Андреевна Чиркова

Иван Савин

Спящий красавец #1

Как найти незнакомку, если о ней ничего не известно? Ни имя, ни статус, ни цвет волос? Ни с кем она приехала на королевскую охоту, хотя туда без приглашений не пускали?

Лишь глаза, но как их найти, если в столице тысячи девушек?

Вера Чиркова, Иван Савин

Спящий красавец

Глава первая

– Мне бы никогда не хватило на такое терпения, – спокойно призналась её величество Беатрис Вторая, придирчиво оглядывая строгую роскошь просторного проходного зала, выбранного для проведения необычного мероприятия.

Витражи высоких окон, тянувшихся вдоль наружной стены, расписывали замысловатый узор наборного паркета веселыми цветными бликами дотягивавшимися до неглубокой ниши во внутреннем простенке. Игра светлых пятен придавала сказочной таинственности размещенному за стеклянной перегородкой ложу.

Там, на высоко взбитых перинах, пышно задрапированных отделанным изысканной золотой вышивкой шелковым покрывалом, мирно спал статный красавец, одетый в самый роскошный костюм из белой парчи. Его слегка вьющуюся гриву русых волос венчала королевская корона, а наискосок через грудь тянулась золотая перевязь, удерживающая усыпанные каменьями ножны, хранящие родовой кинжал.

– А мне хватит, – упрямо объявил он, распахивая темно-серые глаза, – всего-то два часа утром и два вечером. Они же пойдут быстро, чего ждать, когда человек спит?

– Но если тебя раскусят или сам проколешься – я ничего не знала – предусмотрительно предупредила его матушка, – но ругать и падать в обморок буду всерьёз.

Король протянул руку и нажал потайной рычаг. Стекло медленно втянулось куда-то внутрь стены и его величество ловко спрыгнул с довольно высокой постели. Снял корону и перевязь, небрежно кинул на ложе и, расстёгивая на ходу камзол, направился к окну.

– Я не против, ругай. Можешь даже отвесить пару оплеух, буду только благодарен. Заслужил.

Он распахнул окно, с наслаждением вдохнул свежий весенний воздух, напоенный ароматами цветущих яблонь и снова обернулся к матери.

– Вели Матту расширить вентиляцию, там душновато.

– Скажу, – пряча вздох, кивнула она, и тихо добавила, – а бить не стану. Никогда не била, ты же знаешь, я против подобных методов. Тем более, ты, Тервальд, и сам себя уже сто раз морально высек.

– Так ведь за дело, – пожал плечами его величество и с досадой стукнул кулаком по резному подоконнику, – Так сглупить!

– Неправда! Каждый на твоем месте растерялся бы! – ринулась на защиту сына ее величество. – и это вообще было делом твоей охраны! Куда они смотрели?

Да знала она уже, куда. Не раз слышала за эти месяцы. Он и сам давно разобрал по секундам тот проклятый осенний день и отыскал все свои ошибки. Легкомысленные, беспечные до глупости, и потому еще более обидные. Не подобает королю совершать такие всего за пять лун до своего последнего совершеннолетия. Двадцать семь – важная веха, возраст, когда можно единолично выбирать советников, друзей, спутницу жизни и просто править страной, наконец. Сейчас этот момент уже близок… всего несколько дней осталось, и не только Тервальд, все королевство заранее готовится к знаменательному событию.

А тогда, поздней осенью, тоже заблаговременно готовились к большой королевской охоте. Несколько десятков егерей и сотни нанятых селян чистили и прорубали тропы, освобождали от камней и бурелома просторную поляну, выбранную ареной решающей схватки с огромным секачом. Еще возводили вокруг высокий забор из бревен, а над ним – галерею для самых азартных зрителей. И маскировали все это еловыми и можжевеловыми ветвями, чтобы зверь загодя не учуял запах толпы и не опомнился. Или не ринулся на зрителей.

Казалось бы, предусмотрели все возможные случайности и повороты судьбы, везде поставили указатели направления и знаки, на опасных участках караулили егеря, за ареной следило трое магов. Но беда, как чаще всего случается, пришла откуда никто не ждал.

В тот раз, как и обычно, Тервальд был в группе загонщиков. Опытные собаки подняли с лежки матерого зверя, разозлили и начали заманивать на тропу, ведущую к арене. Секач бесновался, гонялся за изворотливыми врагами и все более приходил в неистовство. В его маленьких глазках горела ярая ненависть, с клыков капала пена, а на носу расползалось кровавое пятно, кабан где-то поранился, и это добавляло ему бешенства. Но короля тревожил не он, а Линд, молоденький помощник, недавно назначенный секретарем. Юноша чуть не на коленях напросился в эту группу, заверяя всех, что он уже не раз охотился с отцом.

Теперь же, по его белеющему лицу и сжатым до боли кулакам, все окружающие понимали, что парнишка солгал. Или дичь прежде была посмирнее. Тервальду следовало бы отругать лгуна, и оставить на месте, под присмотром надежных егерей, но тот выглядел все более жалко, того и гляди в обморок рухнет. А это позор на всю жизнь, злоязыкие придворные еще не один год будут дразнить незадачливого охотника и на всех приемах и балах колоть упоминанием конфуза. И вроде поделом бы, но во всем другом парнишка просто клад. Быстрый, ловкий, внимательный. И память хорошая и почерк отличный. И не пьет, не гоняется за горничными, и ни с кем не объединяется против их мнимых врагов.

Идея пришла внезапно, когда мчавшиеся за секачом загонщики почти достигли одной из ведущих к арене расчищенных троп.

– Линд, – крикнул король, придержав коня, – справа тропа, скачи по ней, предупреди, что мы близко.

Юный секретарь кивнул, явно не в силах разжать рот и, повернув вправо, пришпорил своего скакуна. Мелькнул мимо его плащ, дерзко отороченный волчьим мехом, зашуршали кусты и никто потом не мог сказать, почему это так разъярило кабана. Достиг ли подранного носа волчий запах, а может зверь разглядел наконец других врагов, покрупнее легавых.

Как бы там ни было, но оставив собак секач ринулся за секретарем.

Тот пустил коня в безумный галоп, прижался к его шее, спасаясь от ветвей и более не следил ни за дорогой, ни за своим скакуном. Пусть везет, куда вывезет.

Тервальд ругнулся и помчался за ними, надеясь что его Смерч, чистокровный быстроходный Дхарский жеребец легко догонит секретаря, взявшего с конюшни одно из самых смирных животных.

Не тут-то было. Лошадь Линда, заслышав позади себя угрожающее сопение и хруст ветвей тоже почуяла опасность и понеслась напролом сквозь кусты. Королю поневоле приходилось держаться выбранного ею пути, чтобы не упустить Линда, летевшего напрямик к заваленному буреломом оврагу.

В какой момент наперерез кабану выскочила смелая псина, он не заметил, но свое дело она сделала. Снова отвлекла зверя на себя и увела на выбранную для него дорожку. А они вдвоем так и продолжали ломиться через нехоженый лес.

Король прекрасно осознавал, сколько бед ждет их впереди, даже если парнишка и не переломает себе все кости, рухнув в овраг. Ничуть не лучше будет, если он выскочит на кого-нибудь из бродящих по лесу дам. Многие из них отказывались смотреть на арену, и проводили время с пользой, в прогулках, беседах, флирте и сборе поздних ягод и орехов. Не для еды, просто из желания похвастать затянутой в новую амазонку фигурой.

Но как ни пытался Тервальд догнать мчавшуюся неведомо куда лошадь Линда, расстояние между ними сокращалось очень постепенно. Вот уже мелькнул впереди просвет между деревьями, означавший приближение оврага или опушки, и надежды почти не осталось. Как вдруг дорогу секретарю заступил мужчина в узнаваемом бледно-серебристом одеянии мага, и с губ его величества сорвался вздох облегчения.

Пронесло.

Что там делал магистр с замершей статуей лошадью Линда и с ним самим – Тервальд не разглядел. Пролетел мимо и, повинуясь вспыхнувшему в воздухе указателю свернул левее.

Как вскоре стало ясно, расчищенная тропка вилась почти рядом, лошадь секретаря все время ломилась через кусты в пяти шагах от нее. Эта стежка и вывела короля на дорожку пошире, тянувшуюся вдоль опушки и сворачивавшую к арене.

Оттуда уже доносился гул разгоряченной зрелищем толпы, выкрики загонщиков, кабаний рык и визг дам. Тервальд пришпорил коня, спеша оказаться вместе со всеми и понесся стрелой.

Откуда сразу за поворотом взялась на тропе медленно бредущая группа дам, он не понял, но успел свернуть на обочину, чтобы никого не сбить.

И это оказалось самой непростительной ошибкой. Конь успел сделать лишь несколько скачков, как резко остановился, громко заржал и рухнул на колени,

сильно поддав крупом. От этого толчка и по инерции король вылетел из седла как камень из пращи и перелетел через кусты.

Позже он вспоминал мелькнувшую мысль о том, что нужно сжаться, чтобы не врезаться головой в дерево, но не помнил, успел ли сделать хоть что-либо. Все, что сохранила память – это страшный удар спиной о какой-то твердый предмет и противный хруст под правой лопаткой. А потом тело пронзила нестерпимая боль, мгновенно сменившаяся темнотой и тишиной.

Мир вернулся так резко, словно и не исчезал. Не гас свет, не пропадали чувства и мысли, не таяла невыносимо мучительная боль.

Просто появился еле заметный аромат увядающих трав, влился в грудь сладкий вдох осеннего воздуха, а по языку потекла прохладная струйка кисловатого питья. И было оно так желанно и необходимо еще помнящему отзвук боли королевскому телу, что Тервальд властно потянулся за кружкой дрожащей рукой.

Не вышло. Руку мгновенно перехватили и вернули назад.

– Тсс, – тихо шепнул кто-то женским голоском, – лежите смирно, вам двигаться нельзя. Я вас связала… маги развяжут.

– А ты кто? – бдительно осведомился король и сам поразился, услыхав свой голос.

Какое-то жалкое овечье блеяние, а не королевский грозный рык.

– Лекарь… – пробормотала девушка, и с огорченным вздохом поправилась, – травница.

Теперь Тервальд и сам, скосив глаза, разглядел ее силуэт, склоненный над его правым плечом. Ничего особенного, травница как травница. Темно-серый плащ того фасона, что носили лет тридцать назад, сшитый из дешевого сукна, бледные, не тронутые румянами щеки и губы. И неожиданно яркий взгляд золотисто-карих глаз, словно освещенных солнцем, хотя погода вполне

соответствует концу ноября. Пасмурно и прохладно.

– Мне нужно помыть руки, – виновато шепнула травница, стряхнув в жаждущий рот короля последние капли, – но они уже близко.

Тервальд привычно проверил взглядом правдивость ее слов и прикусил язык, манжеты длинных рукавов, выглядывавших из-под немодного серого плаща, были залиты слегка побуревшей кровью, и трудно было не догадаться, чья это кровь.

Его собственная.

И значит, ничего ему не почудилось и не приснилось. Ни страшный удар, ни столь же жуткая боль. Он в самом деле серьезно ранен, и эта невзрачная девушка его лечила. Во всяком случае – боль убрала, теперь от нее не осталось и следа. Ну а что там с раной – на самом деле лучше смотреть магам, у Тервальда глаз на затылке нет.

Они действительно появились очень быстро. Не прошло и двух минут, как за кустами раздался топот копыт, потом шелест полуоблетевших кустов и рядом с Тервальдом рухнул на колени придворный магистр.

– Ваше величество, вы меня слышите? Где у вас болит? – встревоженно затараторил Анцельс, обычно отличавшийся степенностью и невозмутимостью.

– Слышу. – хрипло отозвался король, – уже не болит, она залечила. Или это зелье… травница меня чем-то поила. Но сначала боль была жуткой… я даже сознание терял. И хрустело… ребра под правой лопаткой.

– Он спеленат, – тихо просветил магистра его коллега, – и лежанка поднята… это не травница. И тем более не лекарь.

– Неважно… – руки магистра медленно двигались вдоль пострадавшей спины короля, – какой у нее дар… но сделано почти невозможное. А куда она делась?

– Пошла руки мыть… – буркнул король, складывая в уме начинающую вырисовываться картинку, – у нее все манжеты были в крови.

– Немудрено… – мрачно заметил третий маг, – за эти полчаса из вашего величества вообще могла бы вся кровь выхлестать. Но что-то долго она не возвращается?

– Вернётся, – уверенно возразил король, предпочитавший судить людей по поступкам.

А эта девушка без просьб и сомнений сделала для него столько, что сомневаться в ее словах было бы верхом неблагодарности.

Однако травница так и не вернулась. Ни сразу, ни через полчаса, потребовавшихся Анцельсу, чтобы уговорить его величество на перемещение в карету. Не пристало раненым королям валяться на травке, как каким-то бродягам.

И маги с егерями, посланные на ее поиски, тоже никого не нашли.

Как не нашли и того, кто привез девушку на охоту. Выяснилось, что приглашения на это грандиозное мероприятие рассылались лишь мужчинам. А кого из женщин взять с собой и сколько – они решали сами. Кто-то брал родню и жену, кто-то полезных людей, а кто-то легкомысленных ветрениц. И нужно признать, они очень оживляли невеселое в общем-то событие.

А старомодную девицу, не блиставшую ни остроумием, ни красотой, ни нарядом – не привозил никто из приглашенных. И все остальные тоже не признались, хотя дознаватели всем клятвенно обещали не причинять девушке никакого вреда.

Бесполезно.

Глава вторая

Тервальд искал спасительницу уже пять месяцев, и постепенно простая задачка превратилась в неразрешимую, и оттого еще более манящую. С той поры король все свободное время тратил на изобретение планов поиска загадочной

незнакомки, невольно заразив этим пока бессмысленным занятием донельзя заинтригованного друга и собственную матушку.

Но, как ни странно, лучший способ предложил магистр Анцельс. Это случилось в самом конце февраля, когда над Агерном злобствовала последняя в этом году метель. Самые близкие люди королевы собрались в тот ненастный вечер в ее малой гостиной на втором этаже, чтобы скрасить время партией в шатто. К игре прилагался горячий шоколад с ложечкой рома и ореховые вафли.

Собравшихся было пятеро, королева с сыном, ее верная помощница леди Раяна с сыном Шэдом, лучшим другом Тервальда и придворный магистр. А поскольку шатто рассчитано на четверых – играли на вылет. Проигравший уступал фишки свободному игроку и подвигал ближе шоколадницу, запить горечь поражения.

Кроме возможности насладиться хрустящими вафлями он получал в возмещение потери право рассказать какую – нибудь новость. А редко проигрывавший Анцельс, оказавшись на один круг не у дел, неожиданно объявил:

– В нашей столице живёт три с половиной тысячи девушек в возрасте от семнадцати до двадцати четырех.

– Она могла приехать из соседних городов или поместий, – вздохнул король.

– Исключено, – торжествующе улыбнулся маг, – мы закончили проверку и можем с уверенностью сказать – ни одна провинциалка в тот день не покидала родных стен. Если вы помните, во время охоты было пасмурно, и к вечеру пошел дождь? Так это воздушники и маги погоды немного отсрочили его появление, зато провинции он нещадно поливал с утра. Никто не решился ехать в столицу по такой непогоде, кроме тех знатных девиц, у которых имеются надежные крытые кареты и дормезы, но всех их мы проверили досконально. Ни одна не имеет дара природника, даже самого слабого.

Вот этот факт к тому моменту был полностью доказан, и как нельзя логичнее объяснял, почему незнакомка сбежала и не откликнулась ни на одно приглашение. Хотя все они, разумеется, были иносказательны. Нельзя же прямо написать, – девушка, спасшая короля на осенней охоте приглашается для вручения ей награды?

Возле дворца вмиг собралась бы толпа желающих доказать, что это были именно они. Почему так обычно происходит, никто из занимавшихся поисками не понимал, но все знали точно: непременно найдется достаточно пройдох и жуликов, верящих в собственную везучесть, хитрость, и пронырливость. Как и наивных простаков, рассчитывающих на чудо.

Потому король и его помощники и не надеялись больше на добровольное признание, ведь за попытки лечить людей, не имея лицензии или хотя бы дара целителя – полагалось серьезное наказание. Разумеется, это правило было прежде всего направлено против всевозможных липовых «знахарей» и прочих жуликов, но сильнее всего отпугивало людей со слабым даром водников, природников и интуитов. Поди потом докажи, что хотел, как лучше, если что-то не получится.

– И что ты предлагаешь? – поторопила друга ее величество, – пригласить их на шоколад?

– Нет, лучше. На празднование совершеннолетия короля. Может же он загадать себе такой подарок? Чтобы поздравляли его не седые скучные лорды, а юные девушки? Всего по нескольку слов и по цветку. Любому, пусть несёт хоть одуванчик. А взамен получит памятный дар, именной браслет с защитой.

Ты понимаешь, что они меня задавят? – обреченно справился Тервальд. – Начнут вешаться, целовать, доказывать, что именно она мое счастье?

– Ничего подобного. Даже не коснутся. Ты будешь лежать за стеклом и изображать спящего. Внезапно сработало какое-то проклятье. Или зелье кто подлил… ну, успеем продумать детали.

– И что я увижу с закрытыми глазами? – обдумав неожиданное предложение, осведомился король.

– Их лица и эмоции. Твои глаза будут открыты, не волнуйся. Мы сделаем тебе особый амулет, слегка искажающий истинную картину. Никому не под силу хотя бы час пролежать неподвижно, не зевая, не вздыхая и не морщась.

За два месяца они успели не только продумать все детали, но и частично поменять и существенно дополнить план.

Теперь девушек во дворец заманивали не только обещанием подарка. Все, кого смущала бедность собственных нарядов, могли прийти загодя, и выбрать из любезно предоставленных королевой платьев любые три. После праздника они переходили в собственность гостьи.

К ее величеству в благородном порыве присоединились все знатные леди, придворные дамы, фрейлины и модистки.

Белошвейки обещали за два часа подогнать по размеру каждый выбранный наряд и подобрать к нему все необходимое. От туфелек до прически. Куаферы и башмачники тоже ждали своего часа.

В королевском парке, сразу за центральными воротами, вырос целый городок из шатров, павильонов и беседок, где висели плотными шеренгами роскошные наряды и властвовали иголки с нитками. Дальше расположились ряды легких домиков, купален, и просторных веранд, на которых для гостей, прибывших заблаговременно, три раза в день накрывали столы.

Пришлось дополнительно нанять целый полк подавальщиков и уборщиков, но это короля это не остановило. Он желал наконец найти свою спасительницу. И теперь, когда до праздника оставалось всего три дня, и пора было открывать ворота перед собравшимися за ними гостьями, проводил генеральную проверку проделанной работы.

И не находил никаких особых недостатков, хотя леди Раяна утверждала, что они обязательно проявятся после первых же поздравлений. Хотя и сама она делала все, чтобы афера прошла гладко.

– Ровно в полдень открывайте ворота, – властно объявил король, едва устроившись на своем месте за накрытым ко второму завтраку столом. – Пока девушки осматриваются и получают номера успею просмотреть почту. Потом сяду в тронном зале, встречать первых поздравоябщих.

Это было важное сообщение: по легенде Анцельса именно с магическим вестником должна была прибыть капсула со снотворным. Не известным никому

из алхимиков и природников и потому временно неизлечимым.

– Не рановато вы их пускаете? – мило улыбнулась одна из недавно взятых королевой воспитанниц, подавая королю чашечку с чаем, – за три дня девушки успеют заскучать.

– Но не держать же за воротами? – справедливо заметила леди Раяна, – их будут развлекать менестрели и лицедеи. Да и цветущий сад необычайно хорош, так бы и гуляла.

– А они будут гулять возле покоев его величества, – пошутила девушка, и в ее голосе Тервальду почудился отзвук ярой зависти.

Но искоса внимательно присмотревшись, король ничего подобного не обнаружил и огорченно поджал губы, похоже, это он совсем разучился понимать шутки.

Его величество выпил залпом горячий напиток, отстраненно отметив его незнакомый привкус, и резко поднялся с места.

Точнее, попытался подняться… и остался на месте, ощутив странную слабость рук и ног. Тело неожиданно стало непослушным, словно чужим, лишь язык едва ворочался во рту, но выдавить хоть один членораздельный звук не получалось. Работал только разум… но менталом король никогда не был, и потому никому не мог подать никакого знака.

– Терви? – первой почувствовала неладное мать, – Терви! Ан, что с ним?

Шэдгер вдруг резко, роняя кресло, выскочил из-за стола и ринулся к выходу, нагоняя неспешно идущую туда воспитанницу.

– Стой!

Она обернулась молниеносно, как дикий зверок и без слов поняла, что попалась. Но сдаваться вовсе не собиралась, выхватила откуда-то метательный нож и с силой запустила в Шэда.

Очень умело бросила, между прочим. Однако граф не менее ловко уклонился от снаряда, и прыгнул к ней, сбивая с ног грубым ударом сапога. С женщинами, умеющими отлично драться по-мужски, он никогда не церемонился.

– Лорд! – Потрясенно ахнула королева, но граф уже дернул девицу вверх, и крепко держа за плечо, яростно потряс перед собой.

– С ума сошла, Ильта? Чем ты его напоила?

Но она, гордо задрав подбородок, упрямо молчала. Молчали и остальные, мышками выскальзывая из малой столовой второго этажа, где королевская семья имела обыкновение завтракать и ужинать в окружении самых проверенных людей.

Королю страстно хотелось добраться до этой сумасшедшей, помочь другу ее трясти, и задать свои вопросы. Но он по-прежнему не мог выдавить ни слова. Даже взглядом ничего выразить не получалось, мышцы лица застыли гипсовой маской.

Спасибо хоть слух и зрение не пропали.

Зато мысли текли свободно, не отвлекаемые более ни едой, ни другими заботами. И первой пришла самая здравая, а как вообще к его матери допустили такую воинственную девицу?

– Ильта! – строго прикрикнул Анцельс, когда последний лакей плотно прикрыл за собой двери, – что ты влила в чай? Отвечай по-хорошему, иначе кастую полное повиновение.

– Вот это, – швырнула она магу выхваченный из-за корсажа флакончик.

– Проклятье… – охнул он, ловко поймав пузырек. – Но зачем?

– Потому что это несправедливо! – сверкнула Ильта горящим негодованием взором. – Во дворце девушки ничуть не хуже простых горожанок! И у Вадри – тоже. Но никого из них не пригласили! За что с ними так? Неужели ни одна не годится в королевы?

– В какие еще королевы? – Не понял Анцельс, но почти сразу начал мрачнеть.

– В наши. – с презреньем бросила ему чересчур бойкая воспитанница, – не лукавьте, ваша светлость! Все уже знают, что король собирается выбрать невесту!

– Да откуда они это взяли? – запротестовала ее величество и вдруг ошеломленно смолкла, заметив мрачный взгляд Шэда.

– Не знаю, какой умник придумал, – устало буркнул тот, – мы его не нашли. Но мысль всем понравилась… и теперь уже это не обсуждает только ленивый. Ну а зелье это новое… специально готовили для перевозки особо опасных и одаренных преступников. Оно вызывает паралич конечностей на пять дней. Снять невозможно, а противоядие не делали нарочно, чтобы ни у кого не появилось искушения подзаработать на свободе для негодяев.

Вот теперь у короля появилось еще больше вопросов, на которые он желал бы получить более пространный ответ. Каким образом такое редкое зелье, что не знал даже он сам, оказалось за пазухой бедной воспитанницы? Сиротки, дочери какой-то давней подруги ее величества, до недавнего времени никогда прежде не упоминавшийся? И кто такой Вадри? Что-то знакомое… никак не ухватить… хотя думается на удивление четко и логично.

– И что теперь будем делать? – обреченно справилась королева.

– Положим его в нишу, – тихо посоветовала внимательно всех слушавшая Раяна, – а Ильту отправим назад. Испытание она не прошла.

– А как хвалили… – расстроенно вздохнула королева, – лучшая в группе, надежная, рассудительная, инициативная, быстрая…

– Вот она быстро и расправилась… с королем, – язвительно усмехнулся Анцельс, – хотя сначала и правда казалась такой умницей. Неужели ты всерьез думала, девочка, что самостоятельного, взрослого мужчину можно очаровать такими методами? Напоить гадостью, испортить праздник и сообщить, что он все делает неправильно? А ты сама, на его месте, чего сейчас желала бы, прибить сумасбродку, или начинать искать в ней свою половину?

– Она даже не поняла, почему мы не писали приглашения живущим во дворце девушкам, – вздохнула Раяна, – хотя это очевидно. Зачем их приглашать, если они уже тут? И будут присутствовать на каждой трапезе и балу? А горожанок поселят в парке, во временных домиках и развлекать будут там же. Так у кого больше возможности привлечь внимание короля? И нужно еще учесть, что всех вас он уже видел не по одному разу, и поскольку ни к кому до сих пор не потянулся, надеяться тебе все равно не на что. Поэтому придется вернуть тебя лорду Вадрейну. Пусть учит дальше.

Это был жестокий удар, даже Тервальду на миг стало жаль девицу, служившую, как он понял лишь теперь, телохранительницей его матери. Но охранница еще не сдалась.

– Я не для себя, – процедила упрямо, – есть девушка…

– Найдем, – кровожадно пообещал Шэд, – и отправим в монастырь. Она очень опасный человек, раз сумела убедить лучшую ученицу Вадри нарушить присягу. Но сейчас возиться с тобой мне некогда… поэтому пей.

И он недрогнувшей рукой протянул Ильте злополучный фиал.

Глава третья

Дальнейшей судьбы «воспитанницы» король не узнал. Спросить не мог, а объяснить никто не догадался. Его величеству и планов на его собственное ближайшее будущее оглашать не стали. Просто прикрыли «отводом глаз» и перетащили в приготовленный для поздравлений зал. Сначала, вызвав преданного камердинера, переодели в парадный костюм, затем уложили в нишу. Шэд лично проверил, как должен лежать его король, чтобы хорошо видеть лица гостий.

Так Тервальда и положили, для удобства подтиснув под бок несколько вышитых подушечек. И ему ничего не оставалось, кроме как следить за слаженными действиями четверки самых близких людей и постепенно постигать, насколько беспечен и слеп он был прежде, не замечая очевидного.

Они были не просто друзьями и доверенными лицами, хотя и это оставалось.

Но еще эта компания была связкой напарников, телохранителей и нянек в одном лице. И как он начал понимать, так было всегда, сколько он помнил. Не оставалось никаких сомнений, что именно его мать собрала вокруг себя этих людей с определенной целью, и неважно заранее она все просчитала или постепенно так сложилось.

Главное – лично ему пока никто из них ничего пояснять не собирался, и вот это слегка задевало мужскую гордость короля.

Нет, негодовать и возмущаться мнимой попыткой им управлять, Тервальд и не подумал. Да и не было такого. Была четверка преданных людей, спешивших подстелить соломки на всех дорожках, где он намеревался пройти. И в своих собственных глазах король сразу становился более слабым и несамостоятельным, чем считал до этой минуты.

Значит нужно будет обдумать… как аккуратно выбраться из детских штанишек, и никого при этом не обидеть.

– Мы будем рядом, – сообщила сыну ее величество, наконец-то вспомнив, что и ему положено знать, ради чего он тут лежит. – Ворота уже открыты и первые девушки ждут в соседнем зале. Их пока немного, около двадцати, думаю достаточно, чтобы понять, чего мы не учли.

Король ответил ей немигающим взглядом, иного у него пока не было.

Анцельс лично надел на шею короля искажающий амулет, удовлетворенно кивнул и сообщил, что его помощники уже готовят особое питье, которое в эти дни будет поддерживать силы Тервальда.

– Достаточно пары ложечек утром и вечером, чтобы полностью удовлетворить потребности организма, – бодро пообещал он и уступил место леди Раяне.

– Во всем нужно находить хорошее, – по обыкновению тихо посоветовала она, – Теперь вам не придется думать о прочих делах и вы сможете быстрее получить все поздравления.

Говорить, что он быстрее найдет свою травницу леди не стала, она изначально не верила в удачу.

– Не затем она так старательно пряталась и убегала, – обронила как-то, – чтобы потом найтись. Похоже, у девочки больше секретов, чем мы можем представить.

Последним подошел Шэд.

– Я буду дежурить здесь, со своими ребятами, – ободряюще подмигнул друг детства, – и нам поможет эмпат. Как только он почувствует, что ты злишься или взволнован – сразу остановим церемонию.

Вот это была очень хорошая новость, мысль о том, как сообщить, если он кого-то узнает, свербела все сильнее.

Прежде Тервальд похвалил бы Шэда за находчивость, а теперь мог послать лишь равнодушный взгляд. И не сразу сообразил, что тот и этого не увидит, лишь закрытые глаза.

Первую девушку король ждал с непонятным напряжением, втайне мечтая о чуде.

Не случилось, в зал резво влетела пышно разодетая брюнетка, молниеносно нашла взором стекло и ринулась на него, как коршун на добычу.

– Ах, мой король! Нам рассказали о произошедшем с вами несчастье… я так скорблю! Но видеть вас в целости и сохранности большая радость и честь, и я хотела бы прочесть по этому случаю свои стихи:

Она встала в позу и, картинно отставив роскошную алую розу, приготовилась декламировать, но скользнувший к ней тенью Шэд строго заявил:

– У вас всего минута, леди, и она заканчивается. Будете дарить цветок? Поставьте в эту вазу.

Леди одарила его гневным взором и сунула розу в одну из двух широких ваз, стоящих по сторонам от ниши.

– Мой король… – голос гостьи звучал все громче и трагичнее по мере того, как Шэдгер упорно увлекал ее к выходу из зала, расположенного в торце, противоположном входу.

А оттуда уже почти бежала сдобненькая блондинка.

– Мой король! Я так мечтала об этой встрече! Мне так многое нужно вам сказать… признаться… я немного интуит и давно знаю, только со мной вы будете счастливы и удачливы. На вас никогда не станут нападать ни дикие звери, ни плохие люди! Все ваши начинания будут успешны и получат одобрение народа…

Ей бы салон гадалки открыть, желчно усмехался про себя Тервальд, начиная осознавать, как кстати справедливая телохранительница подсунула ему свое зелье. Без него король вряд ли сумел бы держаться так спокойно.

Эту гостью Шэд выносил буквально на руках, и она осыпала его градом ударов, не замечая, что молотит колючим бутоном белой розы, который забыла поставить в вазу. Впрочем, граф поставил его сам, вернувшись в зал, и с непередаваемым сарказмом кротко произнес, явно кому-то подражая:

– Всего три с половиной тысячи!

И учтиво посторонился, подпуская к стеклу очередную гостью.

Следующие полчаса оказались для короля самыми длинными в жизни, ему казалось что прошло не двадцать пять горожанок, судя по одежде и манерам из самых высших слоёв общества, а сто двадцать пять. Нет, нужно честно признать, некоторые оказались прекрасно воспитанными и вежливыми девушками, но к великому сожалению его величества и особенно Шэда, их было меньше.

В остальных обнаружились невероятные таланты лицедеек. И способов доказать свою исключительность у них нашлось довольно много. От банальной демонстрации хранящихся в декольте прелестей до перечисления всевозможных способностей. Хотя девушки никак не могли не знать, что всех одарённых, достойных обучения, магистры разбирали в ученики еще после

первого совершеннолетия. И ни один родитель еще не отказался от подобного счастливого билета в будущее для своего ребенка.

Ведь за получившей лицензию мага дочерью не нужно давать приданого, ее и так с руками возьмут самые завидные женихи. Да и двери во все богатые дома, включая королевский дворец, им всегда будут открыты. Умные люди отлично понимали, с кем выгоднее дружить.

– Фу, – открыв стекло, облегченно выдохнул Шэд, и плюхнулся рядом с другом, – долго я такое не выдержу. Надеюсь только, что эти были самые ушлые, недаром они примчались первыми. И не польстились на платья королевы, сразу ринулись во дворец. Правда, заметно расстроились, обнаружив, что единственный выход из галереи ведет в парк и назад никого не пускают, но верят, что сумели оставить о себе неизгладимое впечатление. Как на меня – так точно. Теперь я лет десять не позволю матушке даже слово сказать на тему женитьбы! Они с королевой наблюдали из потайного оконца.

И он довольно хохотнул.

– А я никогда не утверждала, что жениться нужно немедленно и бездумно, на ком попало, – укоризненно заметила подошедшая леди Раяна. – Просто просила присмотреться.

– Я сегодня досыта насмотрелся, – едко огрызнулся Шэд, которому и так жилось неплохо.

Должность тайного советника и начальника личной охраны короля позволяла ему в любое время суток беспрепятственно бродить по всем помещениям дворца. И разумеется граф этим пользовался, хотя никто ни разу его не поймал.

– Простите, что вмешиваюсь в ваши личные дела, – съязвила ее величество, и ее подруга мигом состроила виноватое лицо.

Если уж королева начала разговаривать с самыми близкими друзьями таким тоном, значит она не просто зла, а в бешенстве.

– Так вот… – помолчав и взяв себя в руки, жестко заявила Беатрис, – дальше так продолжаться не может. Это не поздравление с днем рождения, а настоящее издевательство. Где воспитывали этих девиц, что они не знают ни стыда, ни элементарных правил придворного этикета? Я не говорю обо всяких изысках, но поздороваться, поклониться первый раз встреченному королю, или хоть голову склонить в знак приветствия они должны были? Воспитанных гостий оказалось лишь семеро. Я считала!

– Им обещали, что встреча будет наедине, – развела руками Раяна, – а времени у них лишь минута. Да и принц лежит с закрытыми глазами, так зачем утруждаться и тратить драгоценные секунды?

– Но они ведь видят, что находятся в зале вовсе не одни? Охранники и маг-ментал разве не люди? – Возмущенно приподняла бровь ее величество.

– Они все из семей городской элиты. Их отцы – банкиры, промышленники, купцы, – едко усмехнулся Шэд, они слуг и охрану за людей не считают. Вы видели, как лупила меня та блондинка? Старалась попасть шипами по лицу. Мне конечно ничего не было, я амулет ношу, но она-то этого не знала!

– Я уже распорядился, – торопливо подошел к нише магистр, – сейчас все устроим иначе. На невысоком подиуме поставим трон, есть у нас такое высокое удобное кресло. Усадим в него Тервальда, обложим по бокам подушечками. Амулет снимем, якобы у короля глаза неожиданно открылись. Время убавим, иначе он там и день и ночь сидеть будет. Но главное – ученики сейчас привезут кабинки, которые мы используем при допросе одаренных преступников. Они созданы из специального небьющегося стекла в виде высокого стакана с дверцей и стоят на особой площадке с колесиками. Она управляется со стороны и может работать на одном кристалле несколько дней. Таких колясок у нас три, я велел привезти все. Пока в одной едет гостья, которая поздравляет короля, вторая увозит уже поговорившую, а в третью входит очередная девица.

Королю этот план понравился, и более всего тем, что девушки будут мелькать побыстрее. В том, что ему хватит и полминуты, узнать свою травницу, если она решится прийти, Тервальд не сомневался. Как и в том, что спасительница никогда не стала бы драться цветами. К этому времени маги точно определили ее дар, природница, а люди, обладающие этой способностью, никогда зря листка не сорвут. И не пройдут мимо чужой боли. Как не прошла и девушка в старом плаще, которой его величество обязан не только своим исцелением, но и

спасением любимого коня.

Смерч в тот злополучный день умудрился попасть ногой в свежую кротовью дыру, и сломать кость. Именно его боль и заставила неприметную девицу ринуться на помощь. Но поспешно уняв боль животного и накрепко спеленав его ногу прочными корнями пырея, природница ощутила еще одну рану и смело полезла в кусты. А обнаружив охотника со страшной раной, догадалась выглянуть на дорогу и приказать гуляющим дамам бежать к арене за магами.

И пока неизвестно, как она это сделала, но чопорные красотки, которых не так-то просто уговорить кому-то помочь, в этот раз бежали наперегонки, словно от пожара.

– О чем он думает? – вглядываясь в невозмутимое лицо сына, тихо спрашивала королева-мать у ментала.

– Это понять невозможно, – объяснил маг, – но настроение у него веселое.

– Надеюсь… – задумчиво буркнул Шэд, – за пять дней в нем поубавится этой веселости… иначе лучше бежать сразу и подальше.

– А вот теперь он смеётся еще сильнее, – тотчас отчетливо распознал вспышку королевского веселья ментал.

– Нужно будет к вечеру отнести его в купальню к Гаммеду. – решила ее величество, – пусть приготовит семь купелей с успокаивающими травами. Такого потрясения даже святому не вынести без вреда для нервов.

Глава четвертая

Во второй раз девушек, желающих поздравить короля, начали пускать в зал после обеда и за это время помещение изменилось до неузнаваемости.

В центре зала появился стоящий на возвышении трон, накрытый вышитым шелком итсарским покрывалом. Он стоял спиной к окнам и вовсе не удобство

гостий волновало Шэда, когда он на этом настаивал.

– Портретов его величества хватает и во дворце и в столице, и горожанки могут при желании изучить королевское лицо в мельчайших подробностях, – втолковывал он Матту, главному устроителю королевских лож и беседок на всевозможных празднествах.

Его команда из нескольких ловких плотников и обивщиков совместно с магом-природником могли шутя решить самую сложную и противоречивую задачку. И теперь справились на отлично. Сняли с пола ковры, чтобы огромные стаканы катались как по льду, завесили огромным гобеленом нишу и украсили сами коляски цветочными гирляндами.

Свои цветочки гостьи теперь оставляли в вазах у входа, входили в стакан и мчались к королевскому трону, наивно радуясь этой скорости.

А через тридцать секунд начинали суматошно искать рычажок, который останавливал стакан и, по их представлению, непременно обязан быть под рукой пассажира. И снова не все… девицы, щеголявшие переделанными королевскими платьями, радовали Тервальда робостью и смущением, цветущем на не испорченных разными хитростями лицах.

Он принимал поздравления до самого ужина, а проглотив пару ложечек тягучего сиропа и запив несколькими глотками воды, неожиданно осознал, как сильно устал.

И не удивился, когда, проснувшись утром в своей постели не смог вспомнить, в какой по счету купели уплыл в туманные кущи сна. То ли четвертой, то ли пятой. В этот момент он твёрдо решил сидеть в почти опротивевшем зале с самого утра до темна, безо всяких перерывов на сон и обед, в котором по сути не нуждался.

И сумел донести свое желание до ментала, уже с легкостью угадывавшего его мысли.

Два дня слились в один, длинный и почему-то беспросветно темный, хотя за окнами бушевала всеми красками шальная весна. Неумолчно пели птицы, жужжали пчелы и шмели, витали ароматы цветущего сада и клумб. И звенели голоса и смех заполонивших парк гостий, лились песни менестрелей и

танцевальные мелодии.

А мимо короля нескончаемым потоком мелькали женские лица, постепенно сливаясь в одно и он всё сильнее опасался, что от усталости и монотонности этой процедуры не сможет узнать свою травницу, если она проедет перед ним в чужом платье.

В этот вечер он был зол, как разбуженный среди зимы медведь, и ментал, чувствовавший раздражение его величества, потребовал, чтобы банщик ограничился одной купелью. И облегчённо выдохнул, ощутив направленную на себя благодарность короля.

А тот, оказавшись в своей постели, подумал, как хорошо иметь рядом понимающего тебя человека. Пора бы ввести ментала в штат придворных лекарей. О дне рождения, наступавшем после полуночи, Тервальд старался не вспоминать, чтобы не тревожить зря старательного мага. Все равно помочь тот ничем не сможет, только зря будет голову ломать. А ему лучше смириться, раз выпала такая доля, в самый значимый день рождения сидеть на троне бездвижной куклой.

Однако судьба распорядилась иначе.

Проснувшись под утро, Тервальд, как обычно, повернулся на бок, намереваясь взглянуть на большие часы. Вставать он предпочитал с жаворонками. И не сразу понял, почему так удивился привычному действию. Вроде все, как обычно, неяркий рассвет уже выгнал прочь ночную тьму и заодно погасил за окнами расставленные по парку фонари. Сюда, на третий этаж, от них добирались лишь редкие лучики, рисовавшие на потолке смутные узоры.

А потом резко сел и принялся поспешно ощупывать руки и ноги, чтобы наверняка убедиться в их гибкости и чувствительности.

– Линд!

Юный посыльный, после той охоты ставший самым старательным и незаменимым помощником секретаря спал теперь в комнате камердинера и успевал первым примчаться на зов.

– Я тут! – сонно растирая кулаками глаза отрапортовал тот, появляясь в дверях и резко смолк, глядя на короля округлившимися от потрясения глазами, – В-ваше величество! В-вы проснулись!

– Ну да, – с неимоверным удовольствием подтвердил Тервальд, – и хочу есть. Беги на кухню, тащи еды. И не вздумай нести кашу или творожок! Никогда не прощу!

Его величество доедал завтрак, о каком мог только мечтать в эти дни, когда в его гостиную, сонно покачиваясь, ввалился Шэд. Постоял пару минут, вдумчиво изучая сноровисто орудовавшего вилкой и ножом друга, прошлепал к столу и сел напротив.

– Как я счастлив, – выдохнул он с чувством и утащил с блюда одного из последних фаршированных рябчиков. – За эти дни мне раз сто хотелось заболеть лихорадкой или сбежать в горы.

– Там еще снег, – передернул плечами король.

– Пусть. Лишь бы не твои девицы. До сих пор я считал, будто наизусть знаю все их желания и требования. Глупец наивный! Сам, своими руками завязал на шее ярмо, когда объявил, что со всеми вопросами могут обращаться прямо ко мне! Ведь уверен был, что все предусмотрел. Как бы не так. С утра всем нужна горячая вода, просто море воды. Уже на второй день Анцельс поставил огромную бочку с кранами и возвел вокруг огромный шатер с десятками купален и бассейнов. Там постоянно греется вода, поступающая из речки. Но по утрам, задолго до рассвета начинается шум и споры, кто умывается первым, кому сначала делают массажи и примочки, а кому педикюр. Мы с магистром стараемся ходить на цыпочках, прячемся по углам… и все равно попадаемся в ловушки. С нас спрашивают всякие масла и зелья, духи и мыло… как выяснилось, аромат некоторых сортов не сочетаются с другими, создавая невыносимую вонь. Потоэму мы запасаем и выдаем всем мыло, душистую воду и всевозможные снадобья по списку, заверенному придворным алхимиком. Почему ты смеешься?

– Не нужно было позволять своему агенту травить друга, – жестко объявил Тервальд, – не пришлось бы терпеть. Лучше скажи, сколько еще осталось не поздравивших меня гостий? Мне вчера вечером забыли сообщить.

– Около двухсот… – мрачнея, пробормотал граф, – и я не позволял, чем хочешь поклянусь. Доверял ей излишне… это есть. Протеже матушки, как никак. Но научен на всю жизнь.

– Этих двести собери в тронном зале до завтрака, я сам пройду по кругу. А остальные все прибыли?

– Нет. У всех какие-то важные причины, но королева велела привезти, тут разберемся. Больных вылечим, бедных нарядим. Гвардейцы и маги уже уехали собирать.

– Тогда поторопись, пока они едут, посмотрим на последних, – решительно вставая с кресла скомандовал король.

На этот раз в тронный зал впустили всех девушек разом, и некоторые попытались робко протестовать.

– К моему сожалению, – зычно объявил король, – несмотря на обещанные прежде короткие свидания, я вынужден несколько изменить ритуал поздравлений, иначе невольно нарушу расписание и вы не успеете на некоторые из праздничных событий. А их подготовлено очень много, катание на военных кораблях, обед в летнем королевском имении на острове Руаше, танцы на соляном озере Юнь-као и салют над морем. Но несмотря на изменение порядка, каждая из вас успеет сказать самые главные слова.

Ни одна из притихших гостий не стала спорить, все уже отлично знали про стеклянные коляски и понимали, как мало шансов те оставляли девушкам, желающим сказать королю больше, чем он желал услыхать.

И потому они тесной шеренгой покорно стояли вдоль стен огромного зала, а его величество шел мимо, забирая из очередных дрожащих пальцев привядшие цветы. Пристально вглядываясь в глаза, выслушивал короткое поздравление и шагал дальше, а шедший следом граф ловко защёлкивал на запястье счастливицы золотой браслет.

Почему-то Тервальд был уверен, что среди этих гостий травницы тоже не окажется. Может оттого, что запомнил ее решительной и уверенной в себе… а такие не прячутся за чужими спинами. А возможно это виновата его

неудачливость. Молодому королю никогда ни в чем не везло с первого разу, как некоторым. И даже дар достался слабый и совершенно бесполезный, умение чувствовать минералы. Не так глубоко, как у сильных мастеров, чтобы находить богатые месторождения, и не такой яркий, чтобы отличать изумруды от бирюзы. Он даже не мог распознать в куске валявшегося под листвой металла монетка это или обломок меча. Потому и никогда не утруждал себя поиском кладов или сокровищ. Все равно найдет либо ржавый лемех от плуга, либо треснутый чугунок.

Так и вышло.

Оставив девушек на попечение дворецкого, обязанного вывести их из дворца, король поспешил в главный трапезный зал. Там к этому моменту собрались его советники, министры, родственники и друзья. Ну и придворные бездельники, куда же без них.

Тервальд мрачно фыркнул, многие короли начинают свое правление с чистки окружения, доставшегося от родителей. А после не замечают, как постепенно и сами обрастают балластом, как суда ракушками. Но его матушка, уже несколько лет единолично правившая страной, проводила такие чистки два раза в год, после своего и сына дней рождения. И всегда объясняла, почему тот или иной пригревшийся хомячок едет домой или в монастырь. Значит ему осталось потерпеть совсем немного, и по узорным паркетам залов можно будет пройти, не встретив толп веселых лоботрясов.

Собравшиеся на завтрак ожидали в картинной галерее, примыкающей к залу, бродили под огромными полотнами с заумным видом обсуждая ракурсы, экспозицию и освещения, а так де стили письма. Не забывая искоса поглядывать на двери, откуда должен был появиться его величество.

Все уже были в курсе его долгожданного освобождения от яда. И разумеется, с нетерпением ожидали результатов необычайного мероприятия, устроенного его величествами для молодых горожанок. Хотя всем было известно, что приглашали и жительниц ближайших поместий и селений.

Тервальд вступил в галерею в полной тишине, ноне успел порадоваться деликатности придворных, как одна из юных воспитанниц тихо осведомилась:

– Ну и где избранница?

И вроде кротко спросила и ничего обидного не произнесла, но слух короля, привыкшего за три дня распознавать эмоции по едва заметным ноткам, уловил в нем и ядовитое ехидство и злое торжество.

Копившееся несколько дней раздражение и разочарование рванули мощным потоком, снесли к лешим все моральные щиты и запреты и взорвали короля справедливым возмущением.

– А с какой стати, вы, леди, решили, будто я выбираю невесту? – прошипел он разбуженной по весне коброй.

Огромной такой, королевской.

– Ну это же очевидно, – заявила она уверенно, дерзко глядя королю в глаза, – Вам исполнилось двадцать семь лет и вы имеете право жениться по своему выбору.

– А прежде не имел? – даже опешил Тервальд, подозрительно рассматривая хорошо известную ему совсем юную, лет восемнадцати, не более, девицу.

Леди Вильгельмина де Беркуа, чтица старшей фрейлины его матушки и одновременно единственная дочь маркиза Филиппо де Беркуа, одного из самых богатых лордов Агерна. И разумеется, в должности чтицы она никогда не нуждалась и никаких книг никому не читала. Просто пожелала жить во дворце, и папаша это устроил.

Но король заинтересовался странной девицей вовсе не поэтому. Слишком часто натыкался в залах и галереях на ее фигуру, чтобы не обратить внимания на унылое, почти тоскливое выражение птичьего личика. Словно у нее что-то постоянно болит. Тервальд даже как-то направил к ней лекаря, вспомнив про несчастную, когда тот залечивал ему полученную на тренировке царапину.

И тот доложил, что она здорова, как гвардеец.

Его величество тогда просто пожал плечами и напрочь забыл про чтицу. Мало ли какие у нее причины ходить с кислой рожицей?

– Прежде Вам следовало спросить совета, – пояснила она снисходительно, – и получить разрешение. А теперь можно быстренько жениться безо всяких пояснений.

– А зачем мне вообще нужно так скоропалительно жениться? – Никак не мог понять Тервальд хода ее мыслей.

– Ну вам же уже столько лет! – слегка покраснев, с досадой выдохнула она. – мне объяснили, что мужчинам очень трудно жить столько лет без женщин!

– Без женщин?! – его величеству показалось, что он ослышался или не так ее понял, но чей-то истеричный смешок подтвердил правильность его догадки.

Тервальд окинул бдительным взором притихших невольных зрителей, прячущих взгляды и улыбки, и начал понимать, кто был виновником его трехдневного паралича. И предательства хорошо обученной телохранительницы.

– Ну королям же не позволительно расхаживать по разным сомнительным заведениям, – с сочувствием добила его леди Вильгельмина.

– О-оо… – всхлипнула одна из дам, подавившись смехом, – простите… ваше величество…

Ответить Тервальд не успел, тонко хрюкнул советник по торговле, и сложился в поясе, пытаясь замаскировать хохот деланым кашлем. Почти в тот же миг хлопнув себя ладонями по крепким бедрам, взорвался жизнерадостным смехом командующий королевскими войсками, генерал Дрежатир. И словно распахнул пресловутую дверь вседозволенности.

Хохотали все. Задыхаясь, ржали мужчины постарше, тонко повизгивали пажи и курьеры, дамы стирали белоснежными платочками выступившие от смеха слезы, юные чтицы прятали лица в ладонях и распахнутых книгах.

Королева старательно прикрывалась резным веером слоновой кости, Раяна сосредоточенно нюхала букет нарциссов, утонув в нем почти по макушку. Давился едва сдерживаемым хохотом Шэд, обычно прекрасно владевший лицом.

Не смеялся только сам король. Хотя прекрасно понимал причину веселья присутствующих. Только престарелые настоятельницы закрытых училищ для знатных девиц искренне считали, что получить немного ласки знатные господа могут лишь в особых заведениях. И накрепко вдалбливали это в головы своих воспитанниц.

И это была последняя деталь, идеально вписавшаяся в уже собранную его величеством картину его отравления.

– Так значит, это вы, леди, – притворно ласково осведомился Тервальд, позволив присутствующим немного просмеяться, – позаботились о том, чтобы я три дня сидел в подушках парализованной статуей? И чем же вы подкупили воспитанницу королевы?

– Я не подкупала, – оскорбленно задрала она нос, и тут же, гордо сообщила, – просто помогла ей за сочувствие.

– Чем?

– Подарила домик… ее бабушке негде жить.

– Лорд Шэдгер, – ледяным тоном приказал король, – немедленно отправьте леди де Беркуа к дознавателям, пусть пишет признательное объяснение.

– А потом? – едва слышно справился сразу ставший очень серьезным Шэд.

– По закону. – так же тихо и равнодушно бросил король, и величественно двинулся к своему столу, роняя по пути скупые кивки и улыбки.

Глава пятая

Однако в его душе и в помине не было показного безразличия, и за это Тервальд должен бы благодарить высокомерную дурочку, явно не самостоятельно дошедшую до подобных интриг. Ведь именно ее детские действия, вызвавшие искренний хохот прожжённых ловеласов и кокеток, знавших тысячу способов обойти любые запреты, дали ему возможность взглянуть на себя со стороны.

Вернее, на жесткие, как прутья железной клетки, правила и порядки, управлявшие им как тонкие нитки тряпичной куклой.

Никогда прежде у юного короля просто не было для этого ни минуты свободного времени, все было заранее расписано и рассчитано. Даже развлечения, балы и праздники, как сегодняшний к примеру. Он еще месяц назад знал и про морскую прогулку и про фейерверк. Даже придуманное им поздравление горожанок просчитали и подготовили так тщательно, что отказаться уже было совершенно невозможно. И на непредвиденный случай всегда имелось несколько подготовленных вариантов.

Вот вчера, пока Тер наблюдал за мелькавшими огромными стеклянными стаканами, его мать принимала от имени сына послов и представителей знати из разных городов и поместий. А сегодня их дары и вымпелы с поздравлениями уже выставлены в специальном зале за стеклянными витринами. А то, что невозможно поставить в зале – присутствует в уменьшенной копии в виде скульптуры или картины.

И прежде король пошел бы сейчас туда, смотреть… но три дня, проведённые за спокойным осмыслением собственной несвободы, о какой он раньше никогда даже не задумывался, изменили его отношение к этому вопросу. И теперь его величество желал жить по собственным правилам.

А для этого следовало разорвать некоторые путы, и Тервальд знал, как это сделать.

– Лорд Шэдгер, – тихо изрек его величество, промокая салфеткой губы, – Жду вас в синем кабинете.

– Нам тоже прийти? – осведомилась Раяна, не сомневаясь в ответе и замерла на миг, услыхав спокойное:

– Нет. Отдыхайте, развлекайтесь. На вас сегодня гости, у меня пока нет сил на прогулки.

– Я могу дать зелье, – поспешил предложить Анцельс.

– Не нужно, я и так получил за эти дни предостаточно зелий, – учтиво улыбался король, но его взор оставался строгим и холодным. – Приятного отдыха.

Его величество поднялся с кресла и покинул столовую через скрытую в драпировках дверку.

Шэд молча последовал за другом, хваля себя за умение держать язык за зубами. Еще никогда он не видал короля таким странным и непредсказуемым.

В приемной синего кабинета, расположенного в той части дворца, куда охрана пропускала лишь строго определённых лиц, сидел только Линд, увлеченно копавшийся в бумажках.

– Вызови ко мне генерала и главного финансиста, – обронил Тервальд, проходя мимо, – и предупреди курьеров, что сделать это нужно незаметно.

– Тогда лучше послать моих людей, – предложил Шэд, шагнув за ним в кабинет.

– Ну если ты уверен, что они еще работают только на тебя… – безжалостно ударил король, – то посылай.

Верный друг споткнулся на ровном месте и замер, стиснув зубы и белея от обиды, а его величество прошел к своему креслу, сел и уставился на графа укоризненным взглядом.

– Больно? – Подождал и продолжил устало и горько, – а каково было мне, не догадываешься? Когда меня подло отравили, и я валялся безгласным поленом, а вы все, вместо того, чтобы срочно искать заказчика нападения на вашего короля, бегали с подушечками и цветочками? Вот почему ты считал, что я забуду про злоумышленника, свободно разгуливающего по моему дворцу и ломающего мои планы и прощу ему нападение, карающееся по закону виселицей? А ведь я дал вам сегодня время на объяснения, с рассвета и до завтрака. Решил

закончить сначала с ритуалом поздравлений. И хорошо, кстати сделал, наглая выскочка вылезла сама, явно считая будто имеет на меня какие-то права. И в этом полностью виновен ты, мой самый преданный друг. Ведь тебе уже было известно, чей каприз приговорил меня к позорной участи тряпичной куклы. Но ты почему-то ее не арестовал, даже не допросил, оставив и свободу и возможность жить как ни в чем не бывало и даже высказывать мне свои претензии. Почему, Шэд?

– Ты же уже все понял и вынес приговор? – тихо выдавил тайный советник.

– Как плохо ты, оказывается, меня изучил. Нет, я еще ничего не решал. Но одно хочу сказать тебе сразу, пожалей тех гвардейцев и тюремщиков, которых приставишь ее охранять. Если маркиза исчезнет из тюрьмы, все они пойдут в каменоломни, а семьи лишатся всего имущества, хотя такого наказания не назначалось в нашем королевстве почти сто лет. И я нисколько не шучу.

– А если указание об освобождении будет от ее величества? – помолчав несколько секунд, осторожно справился Шэд.

– Поедет жить в Крахау. – мигом отозвался король.

– Я должен уйти… выдать распоряжения, – мрачно сообщил граф.

– Надеюсь, ты вернешься, – произнес король и это не было угрозой.

Хотя Шэд уже не сомневался, что лишь пока.

Тервальд проводил его взглядом и хмуро усмехнулся. Пусть считает, будто его величество способен отправить мать-королеву в затерянную в горных ущельях крепость.

В старину она была жилищем мага-одиночки, потом школой для одаренных детей. А в последние двадцать лет, перестроенное и благоустроенное здание носит звание замок Крахау и считается собственностью принца-консорта, отца Тервальда. Ее величество когда-то безоглядно влюбилась в младшего сына правителя империи Грозерт, самого мощного и крупного государства на соседнем материке. И единственного, с которым граничил Агерн.

Юный принц ответил ей взаимностью, но подставлять голову под королевскую корону отказался наотрез. Он был талантливым магом – минеральщиком и не желал заниматься более ничем, кроме своих изысканий.

Беатрис Второй пришлось принять его условия, но она выдвинула в ответ свои, надеясь постепенно, лаской и вескими доводами переубедить мужа. И, как водится, ошиблась, наступив на те же грабли, что и тысячи самоуверенных женщин до нее.

Его Высочество Дагельт уехал в Крахау на следующий же день после окончания оговоренного срока. И нет, они не ссорились. Ее величество каждые два-три месяца исчезала из столицы и возвращалась через декаду загорелой и сияющей. Но всегда говорит, что жить там постоянно ни за что бы не согласилась.

И конечно, Тервальд никогда не смог бы с нею так поступить… но об этом знал только он сам и его упорная маменька.

Потому она и сидела теперь спокойно в столовой, не мешая сыну править так, как ему хочется.

Вызванные советники явились дружно, видимо шли вместе. И все были серьезны и слегка насторожены, хотя и пытались этого не показывать.

– Линд, – вызвав секретаря, выдал указания его величество, – прикажи охране никого не впускать, бери бумагу и садись к столу. Будешь писать указ.

Парнишка понятливо кивнул, метнулся в приемную и через минуту сидел за приставным столиком, ожидающе глядя на правителя.

– Лорд Конгтон, – строго глянув на финансиста, заявил король, – мне известно, что маркиз Беркуа является хозяином торгового банка. Но я хочу знать, как вышло, что торговая гильдия отдала свой банк человеку, не входящему в их клан?

– Хороший вопрос, – изумленно поднял бровь прямодушный генерал.

– На самом деле ничего странного в этом нет, – кисловато поморщился Конгтон. – как вы знаете, главный товар, отправляемый нашими купцами в Грозерт – это крабы и жемчуг. И если жемчуг можно везти по перешейку, тратя на дорогу туда больше декады, то цена краба зависит от его свежести. Самые дорогие – живые. И потому торговцы нанимают природников и выбирают самые быстроходные суда. А плату за все это рыбаки, маги и судовладельцы берут сразу. Вот и приходится купцам брать кредиты, ведь гнать полупустое судно невыгодно, а чтобы загрузить полные трюмы – нужно выложить очень солидную сумму.

– Это мне ясно, – с легким раздражением перебил Тервальд, – я спросил, почему они отдали банк?

– Я к этому и веду. В тот год как назло, и краб шел валом и шторма налетали внезапно, как лешие из кустов. Два потерянных каравана подряд оставили банк гильдии без страхового фонда. А краб снова идет… вот и пришлось писать акции. Ну а у маркиза денежки всегда водились… он и выкупил почти все. А позже Беркуа потребовал, чтобы его назначили директором, иначе он не мог проверять свои средства. Им пришлось уступить, иначе маркиз грозил немедленным расторжением сделки и требованием огромной неустойки.

– Мне все ясно, – остановил его король, – Линд, пиши указ: Маркиз Филиппо Беркуа лишается права управлять и владеть любыми компаниями, гильдиями и банками и отправляется в тюремную крепость по подозрению в попытке манипулировать действиями короля. Копию указа генералу, копию советнику. Дрежатир, возьмите роту гвардейцев, и сначала препроводите маркиза и проследите, чтобы он не мог подкупить тюремщиков, а потом выставьте тройную охрану во всех отделениях торгового банка. Отныне они входят в королевский банк и никакой смуты я там не потерплю. Линд, вызови придворного магистра, пусть отправит в помощь генералу несколько сильных магов. Добавь и ему копию приказа. И не забудьте, это нужно сделать быстро и тайно, никто не должен ничего понять до окончания операции.

– Он ведь вам родственник… – тихо пробормотал Шэдгер, когда все покинули кабинет.

– Я знаю, – хмуро фыркнул Тервальд, – если налить в ведро с водой полчашки молока, будет примерно то самое родство. Вроде и вода не прозрачна и до молока как до луны. Но когда и кого удержало от преступления даже более

близкое родство? А я ее еще жалел, думал – болеет. А она оказывается, изображала как ей меня, бедненького, жалко! Ну пусть разбираются судьи, а я потом посмотрю на поведение ее папеньки. А сейчас давай отчет по горожанкам. Сколько не пришло? И если есть какие-то намеки, начни с них.

– Есть. – Кивнул тайный советник, – если оставить пока вышедших недавно замуж и уехавших к новой родне, то самых подозрительных будет три. Одна сбежала неведомо куда от жениха, вторая рассорилась с матерью и прячется у каких-то лицедеев, гвардейцы сейчас ищут, а третья нанялась на работу в самую глухую провинцию. Причем, еще осенью, предположительно через несколько дней после той охоты. Но ее тетушка, которая по закону является опекуном, почему-то держала это в тайне.

– Портрет есть?

– Старый… и довольно потертый, – Шэд со вздохом достал из папки любительский карандашный набросок. – Ее учительница делала… ещё когда были живы родители.

– Куда… – король смотрел на помятый лист, и видел встревоженный взгляд девушки, державшей его за руку, – куда она уехала?! И где эта проклятая тетка, тьма ее побери?

Глава шестая

– Приезжал лорд Феблд, – важно объявила леди Петрина, едва Дели вошла в маленький холл родного дома.

И по явной нетерпеливости и многозначительности тетушкиного взгляда, сиротка сразу поняла что та провернула очередную, выгодную авантюру, не обещавшую лично ей ничего хорошего.

– Зачем? – тихо и устало справилась девушка, разматывая завязки старенького плаща.

Вытертого и выцветшего настолько, что в некоторых домах ее принимали за побирушку.

– Лорд пригласил тебя на королевскую охоту, – объявила тетка так величественно, словно эту охоту устраивал сам Феблд.

Хотя, скорее всего, о приглашении для него позаботился один из друзей по клубу, в котором раз в пять дней барон играл в шатто.

– Мне нечего надеть, – тихо прошелестела сиротка, направляясь к лестнице.

– Он пообещал оплатить… – начала леди Петрина и на миг смолкла, уколовшись о ставший ледяным взгляд подопечной, – но если тебе застилает глаза непомерная гордыня, можешь взять вещи у Латии. Она дает в аренду всего по медяку.

Дешевое и давно вышедшее из моды, хотелось сказать Дели, но она привычно смолчала. Все равно бесполезно, Петрина держится за кошель подопечной мертвой хваткой. Зато никогда не упустит случая упрекнуть ту в бедности, хотя Дели так и не поняла, куда делось ее наследство. И откуда взялись неимоверные долги, если при жизни отец, наоборот, занимал своим друзьям.

– Если не просплю. – буркнула Дели безнадёжно, отлично зная, что это её не спасет от абсолютно ненужной поездки на дурацкую охоту.

Магам с природным даром вообще противны всякие охоты, как и вырубки, корчёвки и прочие варварские нападения на природу. Вот только тетушка даже не подозревала, какой дар скрывает от нее троюродная племянница, иначе давно пристроила бы Дели не печенье разносить, а сады чистить. Платят за это намного больше. Вот только самой Дели по прежнему не перепадет ни медяка.

Лорд Феблд, прибывший к утреннему чаю в наемной коляске, недовольно морщился, рассматривая старомодный плащ девицы, которую решился осчастливить своим выбором. Хотя, рассуждая здраво, не мог не признать, что такая щепетильность говорит в пользу этого решения. Ведь не так часто встретишь девушек, не мечтающих приодеться за чужой счет. А эта подарки не берет, от нарядов отказывается… и неважно, что бесприданница, этот обычай давно себя изжил. Зато скромна и воспитана, и потому идеально ему подходит.

Ведь не мальчик уже, исполнять капризы ветреных девиц.

В повозке они ехали молча, сырой туман и пасмурное небо не располагали к легким беседам. А возле костров и накрытых к чаю столов и вовсе разделились, барона позвали друзья, и Дели непреклонно отказалась к ним подходить, заявив, что желает погулять.

Но сначала, проводив взглядом недовольно сопевшего спутника, девушка погуляла между столами. Останавливалась на секунду рядом с выбранным деликатесом, скромно брала ломтик и клала на нарядную ярмарочную тарелку, прикрытую прихваченной салфеточкой. Вскоре ее сумочка заметно потяжелела, и девушка уверено свернула к лесу. Выбрав полянку с лежащим на пригорке сухим стволом, неспешно позавтракала, наслаждаясь вкусом давно позабытых кушаний. Тетка упорно экономила на всем, особенно на питании и одежде для подопечной.

Однако обиднее всего было не это, а невозможность куда-либо уйти даже после того, как Дели исполнились заветные девятнадцать лет. Закон не позволял девушкам оставлять родительский дом, если они не имели достаточно средств на безбедное существование. Уйти можно было только к благонадежным родственникам либо к мужу. Но кандидатуру жениха должны были одобрить опекуны либо те же родичи, которых, кроме тетушки, у Дели не имелось.

И получался замкнутый круг, выходить замуж за хорошо потрепанных жизнью лордов, вызывавших у нее только зеленую тоску, Дели упорно не желала. А других не считала достойными Петрина.

Наверняка у нее была на это собственная причина, подозревать можно сколько угодно. Вот доказать не получится, все вокруг считали тетку очень достойной леди.

Стряхнув с колен крошки, девушка неохотно поднялась с бревна и неторопливо побрела назад, собирая по пути припоздавшие ромашки и синявки, и пытаясь придумать, как улизнуть от барона.

С вылезшей из кустов кучкой хихикающих дам с подозрительно блестящими глазками, она столкнулась, едва свернув на свежепроложенную тропу, и почти тотчас мимо пролетел несшийся сумасшедшим аллюром всадник.

Дели даже отпрянуть не успела, только запоздало испуганно охнула. И тут же тело на миг скрутило чужой острой болью.

Мимолетной, всего лишь сигнал, но природница уже мчалась к хрипевшему в ловушке тонконогому коню. Вцепилась ему в холку, щедро заливая силу, призванную снять боль и успокоить. Благо, после встречи с лесом и хорошей еды магия грела солнечное сплетение маленьким огоньком.

Одновременно Дели вырастила крепкие корни, туго обмотала ими сломанную ногу животного и вытолкнула ее из норы, спеша дальше, где ноющей болью утекала жизнь бесшабашного всадника.

Но почти нырнув в кусты, вспомнила про подвыпивших дам и, обернувшись, приказала им жестко:

– Бегом бегите за магами, там человек умирает. Если не успеете – обращу в огромных жаб.

Неодаренные «знатоки» почему-то всерьез утверждали, что природникам под силу превратить человека в любое нужное животное и даже растение.

Лечение всадника, проткнутого острой щепой, далось Дели неимоверно тяжело. Девушка сто раз пожалела, что так неосмотрительно истратила на лошадь лишнюю энергию, не сразу сообразив, что первый укол боли потому и был таким сильным, что шел сразу от двоих. Но она все же справилась, и даже успела сообразить, как нежелательно для нее раскрытие собственного секрета. Мало того, что от тетушки потом век не уйдешь, так еще и барон вцепится хуже клеща.

Они ведь тоже верят байкам, будто природники могут дарить вечную молодость. Не хотят лишь знать одного простого условия, для этого маг должен сам пожелать такое всей душой.

Поэтому Дели и сбежала, обманув едва пришедшего в себя пациента, и уходила не в сторону экипажей, ожидавших господ, а в лес. Прежде всего ей требовался отдых. Всё чаще спотыкаясь и едва не теряя сознание, девушка брела в чащу до темноты в глазах, пока не нашла непроходимых зарослей ежевики и хмеля. И

лишь закутавшись в них как в одеяло, уснула со спокойной совестью.

Разбудил Дели шорох.

Шуршало везде, сверху, сбоку, с другого – тоже. Глухо, непрерывно и заунывно как песня вьюги. Пару секунд девушка вслушивалась в этот шорох отстранённо, пытаясь понять, что происходит, потом как-то разом все припомнилось. Барон, охота, кротовья нора и умирающий всадник.

И почему она сидит в кустах в полной темноте под усиливающимся дождем тоже стало ясно. Восстанавливает силу, так как не взяла с собой даже простейшего отвара лимонника. Ведь на королевских охотах всегда дежурят толпы магов и лекарей.

Не вставая с места Дели вырастила огромный лопух, придавая ему форму капюшона, накинула на плечи и по памяти полезла прочь от относительно сухого гнезда из колючих лиан, сохранивших потемневшие листья.

Совершенно случайно ей повезло, в этом лесу Дели уже когда-то бывала, собирала ягоды и травы, и представляла, в какой стороне ближайшее жилье.

К зажиточной деревне, где обычно после охот и пикников не было ни одного свободного места, идти не имело смысла, но севернее, возле ведущего от Ельта тракта, стояло несколько хуторов, и оттуда по утрам обычно возили в столицу парное молоко и свежие яйца.

Вот в надежде на такую оказию Дели и выбрала направление к ним, и после часа три плелась под дождем, шлепая раскисшими ботиночками. Разумеется, ей нетрудно было их подсушить с помощью травы, но этого хватило бы на пять минут, не более. А чтобы сушить каждые пять минут – требовался в пять раз больший резерв и умения магистра.

Еще повезло что заблудиться в лесу природникам не грозит. Растения всегда укажут все кочки и буреломы и выведут к надежной тропе.

Небо еще и не думало светлеть, когда Дели, выйдя на тракт, направилась к ближайшему хутору.

За высокой оградой, умело сплетенной из гибких жердей, происходило нечто необычное, и надежда на поездку в крестьянской телеге, а возможно и горячий завтрак, внезапно получила дополнительный шанс.

Хуторяне по утрам так не бегают по своим дворам, если не произошло никакого несчастья.

– Что случилось? – не мешкая справилась Дели, и хозяйка, крепкая селянка лет сорока, замерла на месте, прижимая к груди хворостину.

– Так обдулись… – всхлипнула горько.

– Кто?

– Телята… все пятеро.

– Дверцу мне откройте и подводите по одному, – строго велела Дели, и лишь теперь догадалась спросить, – а с чего?

– Так до бурта с падалкой добрались… всю ночь ели… – снова всхлипнула та.

– Присаливать надо, – вздохнула Дели, кладя руку на круглый живот первого бычка, подведенного догадливым хозяином.

Через полчаса она сидела в чисто выскобленной сельской кухне, запивая топленым молоком горячий омлет с ветчиной и грибами и ждала, пока хозяин загрузит в телегу свежие продукты.

– Как вы вовремя, – радовалась хозяйка, – я уж думала, прирезать придется. Двое совсем плохи были.

– Услыхала их боль, – слукавила Дели, – вот и свернула с тракта. Но вы меня не видели… я тут по своим делам.

– Как скажете, – понятливо закивала хуторянка, – мы с мужем вообще не болтливы. А за спасение скотинки и вовсе рта не откроем. Никогда вас не видели и не знаем.

И ловко втиснула в карман спасительницы приятно звякнувший монетками узелочек из носового платка. Легкий совсем, но ведь Дели и этого не просила, только довезти до рыночной площади.

Они оказались там с первыми рассветными лучами, и это было не так уж рано, осенью светает много позже. Потому и спешила сиротка поскорее попасть домой, почти бегом бежала, мечтая прийти до того, как поднимется тетка.

Но в этот раз ей не повезло. Леди Петрина стояла в освещенном лампой холле, и её пылающий негодованием взор не сулил ничего доброго.

– Я даже знать не желаю, – со змеиным посвистом прошипела она, завидев Дели, – где ты шлялась всю ночь. Мое терпение иссякло, сегодня ты отправляешься в монастырь. К обеду собери вещи и верни чужое.

В душе природницы вскипел давно копившийся гнев, и она с издевкой отчеканила:

– Я больше даже знать не желаю, какие там у тебя на меня планы. И сегодня уйду, но туда, куда захочу сама. А ты будешь помалкивать, иначе я подам прошение в королевский суд, чтобы разобрались со странностями завещания. Пусть выяснят, куда делось состояние, оставленное мне родителями и откуда взялись долги, расписок на которых я не увидела.

– У тебя никто не возьмет заявления, – захлебнулась ненавистью тетка, – срок истек!

– Возьмут, я написала его еще год назад, и отдала стряпчему, но попросила придержать, – насмешливо фыркнула Дели, выяснив главное.

Какая-то афера с ее завещанием все-таки была, и значит тетка не заслуживала ни жалости ни уважения. Тогда чего тут сидеть, кого ждать? Очередного барона?

– И запомни… всего за четверть того, что ты у меня украла, наемники из гильдии выдавят из тебя все до монетки. Это грязными делами они не занимаются, а восстановить справедливость за хорошую плату всегда готовы.

Дели резко развернулась и пошла в свою комнату, чувствуя, как сползает с плеч невидимый, но тяжкий камень обиды и горечи на подлое предательство единственного близкого человека.

К тому времени, как в оставленном ею доме принято было садиться за второй завтрак, девушка входила в маленькую конторку, где ушлые тетушки помогали клиентам и работницам найти друг друга.

– Я готова служить чтицей, компаньонкой, секретарём или кастеляншей, но желаю уехать в тихий городок, – твердо заявила Дели, – лишь бы не встречаться с предавшими меня родичами.

Ей посоветовали говорить в этом месте правду, только тогда «тетушки» смогут помочь.

– Есть подходящий контракт, – пристально изучив ее саму и все бумаги, деловито кивнула посредница. – Вот, читай. Тридцать серебрушек подъемные, но пять отдашь за документ о новых опекунах.

– Согласна, – не раздумывая, согласилась наемница, опасавшаяся, что платить придется из своих скудных запасов.

– Тогда подпиши договор, – похоже, «тетушка» изначально не сомневалась в успешности сделки.

Все-таки к ее немалому опыту был добавлен недешевый амулет.

Ночь Дили провела в специальном пансионе, «тётушки» из гильдии посредников не желали терять выплаченных подъемных и дорожных. Девушки не мужчины, их не удержит ни данное слово, ни потеря авторитета. Вдруг чего-то припомнят или испугаются – и поминай, как звали. Конечно, бывают и совершенно другие, и нередко, но риск все равно велик.

Дели выслушала эти пояснения с легкой усмешкой и сообщила, что она все понимает и не обижается. Наоборот, рада спать в надежном месте, где не горлопанят по ночам пьяные гости и не ломают двери одуревшие от «любви» соседи.

А спозаранку, съев вместе с остальными уезжавшими простой, но сытный горячий завтрак, села к оконцу почтовой повозки, взявшей несколько пассажиров до далекого предгорного городка.

Глава седьмая

Почтовая карета, обычный транспорт для жителей со средним достатком, снаружи казалась угрожающе громоздкой. Но на деле ее устройство оказалось хорошо продуманным и весьма удобным. От размещения багажных ящиков, занимающих нижнюю часть повозки, до мягких сидений, заботливо разделенных на одиночные и двойные. Они стояли в огороженных занавесями нишах, и при желании спинки откидывались, позволяя ехать полулежа.

Разумеется, Дели поспешила занять одиночное сиденье и достать из тощего саквояжа взятую в дорогу книжку. Просто легкий роман, девушка не имела никакого желания показывать спутникам интерес к природной магии.

И это решение лишь укрепилось после того, как она обнаружила, что половина спутников знакомы между собой. А про остальных слышали или знают от общих знакомых. К обеду небольшая компания уже вела оживленное обсуждение волнующих их всех городских тем, искоса поглядывая на пассажирок, пока не вступивших в их общество.

Кроме Дели упорно молчала еще одна девушка, тоже занявшая одиночную нишу. Природнице было плоховато ее видно, но она утолила свой интерес в полдень, когда карета остановилась у станции почтовой гильдии.

Как выяснилось, такие остановки ждали повозку каждые четыре часа. За час, пока путники обедали в гильдейской столовой, карете меняли лошадей и кучера. Провожатый был постоянным на весь восьмидневный путь. На ночевку карета останавливалась в десять вечера в пансионе, тоже принадлежащем почтовой гильдии и пассажиры ночевали в номерах, оплаченных при покупке билетов. Собственно, все обеды и завтраки входили в стоимость проезда, и это очень понравилось Дели, которой билет выдали «тетушки».

Вот во время обеда молодая наемница и рассмотрела севшую с ней за один столик спутницу. Худая и бледная той больной блеклостью, о какой говорят – в склепе и то краше лежат. И на заострившемся от худобы миловидном личике только огромные голубые глаза и блестят сумрачными озерами. Зато одежда очень приличная, хоть и строгого кроя, но дорогая и сразу видно – новая. Еще даже не обмята по фигуре.

– Мэри, – неохотно шепнула спутница, мазнув по соседке утомленным взором.

– Дели, – так же скупо отозвалась природница, помолчала, решаясь и добавила, – я еду до конца. Но никого там не знаю.

– И я тоже. – не отрываясь от еды кивнула Мэри.

Она ела суп очень аккуратно, отламывала хлеб небольшими кусочками, выливала бульон в рот неспешно, прожевывала овощи, тщательно прикрывая губы. Но чуточку, самую малость переигрывала, и Дели почему-то отчетливо виделось, как жадно она сливает в рот суп прямо из обливной мисочки, если все на миг отвернутся.

Поэтому Дели, не по наслышке знавшая, как сосет нутро голод, если по нескольку дней не ешь досыта, спокойно попросила подавальщицу завернуть ей с собой парочку пирожков. Добрая женщина, окинув взглядом худеньких пассажирок, принесла им увесистый туесок, пробормотав, что на полдник будет лишь запеканка и взвар.

– Это тебе, – выйдя из столовой, Дели протянула туесок спутнице, – меня за последние два дня откормили.

– А я не успела позавтракать, – слегка покраснев, призналась та, – еле сумела уйти.

– Тсс! Потом расскажешь… – остановила наёмница, а чуть позже, заметив толпившихся рядом с их каретой новеньких пассажиров, решительно добавила, – может, займем двойное сиденье?

– Да, – сразу согласилась Мэри, – иначе они обязательно сгонят с одиночных… я уже ездила.

Через пять минут они уже сидели на новом месте, распихивая под сиденье нехитрый багаж. У Мэри и саквояжа при себе не оказалось, лишь простая шляпная коробка.

Похоже, ей было не так-то просто уйти, сообразила Дели, и невольно прониклась сочувствием к подруге по несчастью. Интересно, к кому она едет? Но спросить об этом можно будет только в пансионе, как ей пояснили, все комнатки там двухместные и трехместные. Но они постараются занять меньшую.

Дорога тянулась не так и тяжко, как представлялось сиротке прежде. Они нашли с соседкой общие темы для разговора, как выяснилось, обе в юности изучали языки и музыку, историю и литературу. Правда Мэри еще училась живописи, а Дели в последние годы пришлось много заниматься кухней и шитьем, но это уже детали.

Спальню на двоих им выдали беспрекословно. Оказалось, что часть пассажиров, особенно семейные пары, собирались снять номера в придорожной гостинице, и, выйдя из кареты, прямиком направились туда.

– Там, конечно, веселее и кормят разнообразнее, – с завистью вздыхала одна из тех дам, кто направился к пансиону, – но обойдется в пару лишних серебрушек.

– У меня есть деньги, – шепнула Мэри новой подружке.

– У меня тоже, – отмахнулась Дели, – но я мечтаю умыться, поужинать и свалиться в постель.

– Как и я, – обрадовалась соседка.

А уже лежа в кровати, вдруг тихонько осведомилась:

– А как ты относишься к бастардам?

– Мне не нравится это название, – не раздумывая ни секунды, сообщила Дели. – И высокомерные ужимки некоторых знатных господ – тоже. Ребенок не виноват, что у него был легкомысленный, безответственный отец, или, хуже того – мать. Кстати, у нас в королевстве бастарды признаны законом равноправными детьми с теми у кого родители состоят в священном союзе.

– Знаю, – тяжело вздохнула Мэри, – сама попалась в эту ловушку.

– Как это, ловушку?

– Моя матушка была воспитанницей у дальней родственницы и влюбилась в ее племянника, наследника родового титула. Он, разумеется, прельстился… а когда выяснил, что будет ребенок – замел следы. Отправил любовницу в небольшой городок, купил домик, выдал немного денег и велел все забыть. Мы прекрасно жили семнадцать лет, а потом мать заболела, соседка отравила. Приревновала мужа… напрасно, как выяснилось. Но матери это уже не помогло, спохватились поздно, а хорошего целителя рядом не было. Перед смертью мать сама назначила мне опекуншу, и та забрала меня к себе. Мы жили довольно дружно, она заботилась обо мне и исподволь присматривала женихов, я занималась живописью… и тут случилась беда. У моего отца к тому времени подросли два сына, погодки. Красивые, умные, смелые… и очень изобретательные. В общем, построили они тайком летающий механизм, сели и полетели со скалы.

Девушка неожиданно всхлипнула и Дели, птицей слетев с кровати, ринулась ее успокаивать.

– Их мать этого не пережила… – выплакавшись, тоскливо пробормотала Мэри, а отец потерял интерес ко всем делам. Сидит и смотрит в окно. Но указ написал, что передаст регалии власти тому из родичей, в ком больше родовой крови. Проверяли это храмовники, у них все записано. И конечно вспомнили обо мне. Ну а испытания показали, что даже те, кто считал, что жезл у них в кармане – имеют в десять раз меньше родства, чем я. Провели ритуал, провозгласили меня герцогиней и начались мои муки. Все мной командуют, всем я что-то должна… и ведь понимаю, что в открытую издеваются – а доказать не могу. Да еще отец, науськанный ими, приказал, чтобы я выбрала жениха среди кузенов, раз родство с ними дальнее. Подходящих набралось шесть человек, младшему всего семнадцать. А мне двадцать три. Зато он самый честный, сказал прямо, – «выбери меня, я еще лет десять на твои старые кости не прельщусь». Остальные

лгут и хитрят, в глаза дифирамбы поют, за глаза высмеивают. Я давно ем только фрукты и то, что тайком стащу на кухне, боюсь яда. И спать боюсь, балдахин уже падал на постель и ковер сам собой загорался. Но меня уверили, что это случайности. Отец нанял охрану… а что они могут против толпы родичей, если у тех, у каждого проверенных телохранителей чуть не по десятку? Опекунша подкупила служанку, та меня вывела и доставила к посреднице. Вот теперь еду к женщине, которая пообещала найти мне компаньонку и надежное убежище.

– Очень интересно… – протянула Дили, – а я еду к посреднице, предложившей контракт компаньонки или чтицы, пока не знаю, точно.

– Может… – с надеждой встрепенулась Мэри, – нас нарочно отправили вместе? Ну, чтобы познакомились?

– Сомневаюсь… – не поверила природница, – тебе побег готовили загодя, а я ушла из дома неожиданно даже для себя. Очень уж тетка задела своим приказом. Но если мне предложат пойти к тебе – соглашусь не раздумывая.

– И я тоже, – заверила беглая герцогиня.

Больше они об этом не говорили, предпочитая не пестовать пустых надежд. Мэри не знала даже имени посредницы, к которой ехала. «Тетушка» предпочла его скрыть, ради безопасности коллеги. Сообщила лишь пароль, каким встретит клиентку проводник.

А Дели и того не сказали, дали просто адрес. Да убедительно попросили не доверяться в дороге попутчицам, чтобы не испортили загодя мнение. И по прошествии восьми дней она поняла, как верен был этот совет. Дамы, мило щебетавшие в первые дни, к концу определились в симпатиях и откровенно обсуждали тех, кто покинул повозку, пересев в попутную карету или посланный родичами навстречу экипаж.

Мэри лишь печально морщилась, эти змеиные шепотки живо напоминали ей отцовский замок. А Дели все отчетливее понимала, как ей повезло, встретиться с герцогиней.

В город почтовая карета приезжала поздно вечером, через два часа после полдника, но еще в обед юные беглянки узнали, что они до конца не поедут.

– Приготовьтесь, леди, – тихо сообщил сопровождающий, – вас встретят, когда остановимся на полдник. Идите спокойно умываться, мы сами перенесем багаж в другую повозку. Она будет стоять за углом справа.

Девушки лишь дружно кивнули, озадаченные его осведомленностью.

– А откуда… – не выдержала Дели.

– Вот, – показал он записку, – это я получил только что. Не беспокойтесь, клиент проверенный, повода не доверять нету.

Девушкам оставалось лишь поверить, выбора все равно не было. Но, устраиваясь на своем сиденье, Дели шепнула подруге, что постарается их защитить. Всё-таки природный маг, даже слабый, это далеко не простая травница. Хотя и тех стараются не задевать даже самые наглые бандиты.

Ведь никому не известно, чем она может полить или посыпать, защищаясь. Бывали случаи, когда самоуверенные подонки в считанные секунды покрывались страшными язвами или заходились в удушающем кашле. И ничто не могло помочь, а лекари не брались, из чувства солидарности.

Ну а возможности природников много больше, им, чтобы быстро и накрепко связать хоть толпу разбойников, достаточно иметь в кармане любое семечко, лишь бы не жареное. И Дели всегда носила в карманах не по одному, ведь они требуются не только для защиты.

В умывальне пансиона, где пассажиров ждал последний положенный полдник, подруги задержались дольше всех. А выйдя в коридор, направились не к столовой, а к выходу. И уже на крыльце поняли, почему карета ждет их за правым углом. Ярко освещенные окна столовой находились в левой части здания и можно было не опасаться нечаянно попасться на глаза кому-то из бывших уже спутниц.

Карета, скорее дорожная повозка, ждала почти рядом, и в прямоугольнике бледно светившегося входа, темнел женский силуэт.

– Если за ночь разведрится, – мягко и негромко произнесла незнакомка, – к утру ударит заморозок.

– Зато день будет ясный, – условной фразой отозвалась Мэри и полезла внутрь, – как вас называть?

– Я леди Аннелин. Садитесь быстрее, ваши вещи уже тут, – поторопила посредница. – Вы очень заинтриговали местных сплетниц, они договорились проследить, к кому пойдете.

– А откуда вам известно? – насторожилась Дели.

– Ну неужели вы считали, что мы можем отправить такую важную клиентку без сопровождения? – Укоризненно глянула леди Аннелин. – Безусловно ее провожала моя работница, и разумеется негласно. Иначе в следующий раз мне придется искать кого-то другого, а в маленьком городке это почти невозможная задача. Но сейчас у нас есть не менее важное дело. Провожатая писала, что вы подружились и потому я должна спросить, леди Мэридит, вы желаете познакомиться с двумя остальными претендентками на место вашей компаньонки, или уже сделали выбор?

– Сделала, – твердо заявила герцогиня, – Дели я полностью доверяю. К тому же ее дар будет далеко не лишним.

– Дар? – задумчиво приподняла бровь посредница, – мне о нем ничего не известно.

– Природный. Но он слабый и я нигде не училась, – виновато вздохнула Дели, – потому и не говорю. Хотя кое-что умею… само получается.

– В таком случае у вас большое преимущество перед другими претендентками и я не буду настаивать на знакомстве с ними леди Мэридит. И мы поедем сейчас не в имение, где они нас ждут, а прямо к леснику. Это немного дальше, но дорога неплохая и кучеру хорошо знакома. А завтра утром я отправлюсь домой, а Торп, это лесник, проводит вас в охотничий дом. И за это время я вам все расскажу и отвечу на все вопросы.

– Мне интересно, – первой задала вопрос Мэри, – вы нарочно отправили нас одним дилижансом?

– Нет. Это вышло случайно и посредница, отправлявшая леди Аделию, сначала собиралась взять ей билет на другой день. Но у нас городок небольшой и почту привозят раз в три дня, а осенью и зимой даже реже. Ей сообщили что следующий дилижанс будет через пять дней, и пришлось рискнуть. Сами понимаете, как нежелательно ожидать еще одну кандидатку столько времени. И риск случайно попасть на глаза любопытным жителям увеличивается, и тревога клиента все растет.

– Значит, нам повезло, – порадовалась герцогиня, – и в этом я вижу перст судьбы. А что там за охотничий дом? И почему вы доверяете этому леснику?

– Дом строил граф Клотье, подражая столичной моде на охоты и пикники. Но у него к этому свой подход, он любил не скачки за диким зверем и не сражение с ним, а все остальные сопутствующие удовольствия. Толпы нарядных дам, щедро накрытые столы, туша оленя, жарящаяся на вертеле, горячие термы. Поэтому денег на устройство охотничьего дома он не пожалел. Хозяйские покои, расположенные в левой части второго этажа, обогреваются магическим калорифером, и мы припасли для него достаточно накопителей. Но на первом этаже есть камины, связанные дымоходами в систему обогрева, и Торп уже завез несколько возов дров. На кухне тоже две плиты, маленькая на магии и большая дровяная.

– А кроме нас… там кто-то еще будет жить? – Задумалась Дели.

– Хороший вопрос, я его ждала. Пока у меня нет ни одной надежной кандидатки в кухарки и прачки. Женщины, желавшие быть компаньонками, не подходят, обе будут обижены понижением статуса. Я найду им подходящую работу, об этой они не знали. А теперь и не узнают. Но стирать согласна жена лесника, зимой у нее работы немного, дети уезжают учиться, огородом заниматься не нужно.

– А готовить я могу сама, – обрадовалась природница, – попробуем обойтись без слуг.

– Но нам нужна будет теплая одежда, – забеспокоилась Мэри, – я дам денег, купите все необходимое и с запасом.

– Мы уже кое-что купили, – деловито доложила леди Аннелин, – тех денег, какие вы выдали, пока хватает. Продукты будет возить Торп. С ним я рассчитываюсь сама.

– А граф… как его, Клотье, не нагрянет?

– Его уже нет, – качнула головой посредница, – а наследники первым делом продали охотничий дом. Их мать ненавидела это место. Я перекупила через третьи руки, и потому никто не догадывается, кому он сейчас принадлежит.

Глава восьмая

Проснулась Дели от тянущего ощущения глухой боли и несколько минут лежала, пытаясь понять, что может у нее болеть и где она вообще находится. И постепенно, рассматривая в бледном свете занимающейся зари бревенчатые стены и незамысловатую, явно самодельную мебель, сообразила, что это дом лесника.

Они добрались сюда лишь за час до полуночи, утомленные и сонные и мечтали только о двух вещах, умыться и нырнуть под одеяло. За окнами повозки к тому моменту тихо моросил дождь, настигший путников с наступлением ночи. Их встретила хозяйка, круглолицая женщина, улыбчивая и приветливая, предложила ужин. Но поздние гостьи от всего отказались, корзинки с припасами, прихваченной леди Аннелин хватило и на полдник и на ужин.

А боль была вовсе не ее, она билась пойманной рыбкой где-то за окном и девушка решительно слезла с высокой кровати. Все равно больше не уснет, пока не взглянет, кому там так плохо. Ночью они не видели семью лесника. Сам он, как сказала жена, птичка ранняя и спать ложится тоже рано, а дети уже у бабушки. Значит, болеет лесник, решила Дели, но выйдя на крыльцо поняла, что ошибалась. На дворе неспешно редел, оседая холодными каплями седой туман, и сквозь эту промозглую сырость медленно ползла крупная серая собака.

Передние лапы у нее работали, а вот задняя часть тела тянулась мертвым грузом. Длинная шерсть животного, и без того грязная и сбитая в колтуны,

отяжелела от влаги и псина оставляла за собой примятый гладкий след.

– Бедняга, – торопливо сойдя со ступеней, направилась к ней природница, – кто это тебя так?

Присела рядом, властно положила ладонь на спину животного, приказывая остановиться. Та замерла, неверяще оглянулась, принюхались и лениво оскалила зубы.

– Нельзя! Ирта, нельзя! – бежал от сараев крупный мужчина в темном фартуке поверх рабочей одежды. – Леди, отходите потихоньку, я ее сейчас привяжу! Прибить бы нужно… да рука не поднимается, больно собачка разумная. Была… пока шатун не напал.

Псина, почувствовав, как стихает неотступная боль, заглянула Дели в глаза и внезапно благодарно лизнула ей руку.

– И правда, разумная, – отстраненно подтвердила та, бдительно вслушиваясь в открывшиеся ей процессы, идущие в теле животного.

Ну, это она так для себя называла, на самом деле ощущая боль и холод чем-то необъяснимым, вроде как третьей, призрачной рукой.

– Ее бы в тепло, – оглянулась смелая гостья на подбежавшего Торпа, – и воды горячей. Кровь в задних конечностях слишком холодная.

– Так… – опешил он, осознав, что чего-то не понимает, – а зачем?

– Природница она, – выдохнула подоспевшая леди Аннелин, – повезло твоей Ирте.

– Светлые духи, – обрадовался лесник, – тогда мы мигом. У меня родилка пустует…

Нагнулся, легко подхватил псину на руки и двинулся в сторону сараев.

Родилкой оказалось довольно просторное помещение с простой печью и утепленными стенами. Половина пола была застлана толстыми досками, а половина земляной. Но везде присыпано чистой соломой. Уложив собаку на доски, Торп первым делом достал с полки скамеечку и подал Дели, потом куда-то убежал.

– Мне можно остаться? – деликатно справилась посредница.

– Оставайтесь. – Кивнула девушка усаживаясь возле мохнатого пациента, – но, боюсь, много увидеть вам не удасться. И объяснить я ничего не смогу, сама не понимаю, что и зачем делаю. Просто чувствую, как должно быть и мысленно поправляю.

– Вот, – примчавшийся лесник поставил бадью с горячей водой.

– Лейте сюда, – указала Дели.

– А не ошпарю? Почти кипяток.

– Нет… я слежу… – туманно пообещала природница и он, пожав плечами, осторожно зачерпнул полный ковш.

Однако первые струйки лил очень осторожно, стараясь невзначай не капнуть на руку гостьи, но она поправила.

– Пониже подносите, и лейте ей на спину. И не бойтесь, у нее там слой грязи и омертвелой кожи, все равно придется снимать.

Бывалому охотнику стало не по себе, когда он представил, как с живой собаки снимают шкуру, но останавливать девушку Торп не стал. Пусть поднимет его любимицу, а уж содранную шкуру он найдет, чем мазать. И дальше лил кипяток скрепя сердце, и мысленно благодаря нежданного лекаря, что догадалась наконец усыпить несчастную псину.

– Хватит, – остановила его Дели, когда воды осталось на донышке, – теперь нужно зерно. Горсточка овса или ячменя.

– Сейчас, – бросился к двери Торп и вскоре появился с полной миской ячменя. – куда его?

– Посыпь собаку, где мокро и грязно, – велела природница, откидываясь на стенку.

Лесник недоверчиво посыпал животину отборным зерном и почти задал закономерный вопрос, зачем это, но чуть не подавился, разглядев, как начинает шевелиться высыпанный им фураж.

Зерна разбухали прямо на глазах, обрастали пышными щетками корней, мгновенно вцеплявшихся в собачью шерсть. И тут же выстреливали толстыми зелеными ростками, выбрасывали колос, желтели и осыпались золотым зерном. Затем все повторялось, и снова и снова. Пока Ирту чуть не по уши засыпало новым урожаем.

– Ну, пора вставать, – заявила вдруг природница и погладила собаку по голове, – и кормить ее теперь нужно получше, пока не наберет вес. Ноги почти сухие были.

Псина приподняла голову, огляделась, и встала, покачиваясь от слабости. Тут же попыталась привычно осесть на задние лапы, но Дели не позволила.

– Ходи нормально, ты уже здорова.

И та поняла, снова лизнула природнице руку и побрела к выходу.

Зерно осыпалось с нее золотой кучкой, и Торп снова потрясенно приоткрыл рот. Ни грязи, ни колтунов на собаке больше не было, только короткая щетина новой шерсти, покрывавшей невозможно худые бока и ноги.

– Пока дома поселю, – решил он, – чтоб не мерзла.

– Шерсть к вечеру отрастет, – пообещала Дели, тяжело поднимаясь со скамейки, – а я теперь тоже не против поплотнее позавтракать.

– Ну, так идем, – решительно подхватила ее под руку леди Аннелин. – представляю, сколько силы вы истратили.

Дели лишь едва заметно дернула плечом, разве думаешь о силе, когда на тебя преданным взором смотрит страдающее существо? Она даже усыпила собаку, чтобы не отвлекаться на этот полный надежды взгляд.

– Ну, Торп, – доев гречишные блинчики, щедро сдобренные густой сметаной и липовым медом, строго спросила леди Аннелин, – поясни мне, будь добр, куда теперь денешь Ирту?

– Да куда ж я ее могу деть? – неподдельно изумился лесник. – Будет жить, как прежде, в сенях. Она самая чуткая, и на всех лает по-разному. На крупного зверя – тихо рычит, на мелкого – чуть поскуливает. А на чужих людей негромко тявкает, предупреждающе так. Но если не поймут и подходят ближе – смолкает и нападает.

– Это все прекрасно, – кивнула посредница, – но скоро приедут дети, они ведь учатся декаду, потом на три дня едут домой? Учение началось с первого числа, значит, через два дня прибудут и увидят здоровую собаку. Как им объяснишь, чем лечил?

– Скажу, сама вылечилась… – задумался лесник, – нашла где-то травку…

– Если расскажешь такое городским детям – поверят, – кивнула леди, – а вот твои – сомневаюсь. Скажут, чего ж она все лето ползала и не ела эту траву? А теперь, когда все посохло и увяло – вдруг спохватилась. Хочешь, чтобы они считали отца обманщиком? И наябедничали бабушке? А она у вас еще тот дознаватель. Сама приедет посмотреть. И соседкам, подружкам верным, расскажет.

– Да… – вздохнув, хмуро согласилась хозяйка, – все точно. До сих пор не может мне простить, что я за простого лесника вышла, а не за управляющего имением. Но и правду ей сказать тоже ни в коем случае нельзя. Тогда тут через три дня полгорода будет сидеть со своими собаками, кошками и собственными болячками.

– Вот хотел ведь я купить домик и отправлять вас на всю зиму, – расстроился Торп, – так что же теперь делать?

– Отправь Ирту в охотничий дом, – предложила леди Аннелин явно обдуманное решение, – а детям скажешь – ушла. Собаки часто подыхать уходят подальше. А весной она найдется… и где была никому неизвестно.

– Она не дойдет, слаба, – еще спорил лесник, но и сам понимал, что это лучший выход.

– Отвези на лошади, – оказывается, леди предусмотрела и это, – возьми нашу. Я тогда тоже с вами съезжу, а кучер пусть отдохнет.

Против этого возражений ни у кого не нашлось, и через час небольшой караван из пяти лошадей уже бодро двигался по едва видной тропке.

– Прежде она позаметнее была, – пояснял ехавший первым Торп, – граф курьеров гонял по три раза в день. То зелени прислать, то сметаны, то помочь – в покое никого не оставлял. А теперь я изредка присматриваю, но желающих соваться в защищённый двор пока не было. Даже зверье не подходит близко, хотя им и неинтересно. Они ведь на запахи идут – а там ни скотины, ни еды. Нечему пахнуть.

Дели молча с ним соглашалась, и сама себе делала узелок на память, не выбрасывать ничего, что может привлечь диких животных. Особенно крыс. Бороться с ними несложно, но прежде, чем заметишь появление серых орд – они уже прогрызут и прокопают сотни дыр.

Охотничье поместье открылось перед ними часа через два, сразу за ручьем. Простучали подковы по доскам широкого мостика и отряд оказался в нескольких шагах от высокой изгороди из заостренных кверху бревен.

– Да тут настоящая крепость, – охнула Мэри, – понятно почему звери не лезут.

– А людей бы это не удержало, – заметила леди Аннелин, – да отпугивает охранный щит. Вот от него ключи… на всякий случай. Но лучше все-же никого не пускать.

И девушки согласно кивнули. Не для того они забрались в такую глушь, чтобы рисковать. Да и не ходят простые жители зимой так далеко от города и хуторов. Собирать нечего, дров еще летом запасли, а охота и ближе к дому неплохая.

Дом оказался под стать ограде. Нижний этаж сложен на известковом растворе из неотёсанных валунов, верхний – бревенчатый. Толстенные ошкуренные стволы столетних кедров, медные переплеты высоких окон, сияющих синеватым горным стеклом… все просто кричало о куче денег, вложенных графом в любимую забаву.

Убранство залов и комнат наглядно подтверждало этот вывод. Дорогая мебель, неизвестно как доставленная в эту глушь, изразцовые печи, роскошные ковры, хорошо выделанные шкуры оленей и медведей. И огромные керамические бадьи, расставленные под окнами нижнего трапезного зала, с которого начинались помещения.

– В этих бочках росли прежде различные диковинные цветы, – остановившись у бадьи, пояснила леди Аннелин, – но когда я сюда попала – они уже высохли. Но я попросила у Сонны семян… она свои овощи и зелень выращивает, вот, все подписано. Может, захотите посадить.

– Конечно захотим, не сомневайтесь, – поняла ее задумку Дели.

Нужно же ей на чем-то учиться? Да и к столу свежие плоды лишними не будут. И незачем рассказывать, что выращивать ягоды и овощи она научилась первым делом, тетка никогда не баловала сиротку земляникой.

– Времени у нас немного, – чуть виновато предупредила леди Аннелин, заметив Торпа, вошедшего из хозяйственной части дома – давайте посмотрим кухню и я помогу приготовить обед. Нам еще нужно сегодня вернуться домой.

– Я принес и сложил в кладовые припасы, – почтительно доложил новым хозяйкам лесник, – и хотел спросить… где будет жить Ирта?

– В доме, – в один голос ответили подруги.

– Спасибо… – прочувствованно шепнул он и мрачно признался, – она прежде всегда жила в доме. Но в это лето пришлось поселить в хлеву…

Дели понимающе кивнула, непросто терпеть рядом больное и грязное животное. Некоторые и родственников в таких случаях выселяют во флигеля или даже старые хижины, у кого что есть. Но не маги и тем более – не природники.

А у графа, как выяснилось, собаки свободно ходили по двору и дому, и для них даже была сделана возле черного входа специальная дверца. Животные обычно быстро соображали, как открывается придерживаемая пружиной створка, но учить Ирту не пришлось. В доме Торпа был точно такой же лаз.

Обед девушки сделали очень быстро, обжарили приготовленные Сонной котлеты и пирожки да порезали соленья. Ирта получила миску творога с молоком и кучу мелких сырых костей.

И вскоре Дели уже запирала ворота за двинувшимися в обратный путь людьми, которым суждено было стать их единственными помощниками на эту долгую зиму.

Быстрее ни по каким подсчетам не получалось найти приемлемый для Мэри. Свежеиспеченной герцогине требовались честные, влиятельные чиновники, способные разобраться со всеми проблемами и помочь ей не попасть в клетку семейного союза с одним из ненавистных родичей. И принять надежные меры, чтобы она могла спокойно жить, не опасаясь никакой подлости. Например, рухнуть с балкона от толчка в спину либо остаться нищей, если и отец тоже внезапно оставит этот мир.

Глава девятая

– Предлагаю записать и сразу выяснить самые главные вопросы, – заявила герцогиня решительно, когда они выбрали себе спальни.

Хотя вопреки предположениям Дели, это оказалось, очень простым делом. Бывший хозяин занимал покои из четырех комнат. Большая хозяйская спальня,

гостиная, гардеробная с купальней и спальня секретаря. Или камердинера, неважно. Главное – по размерам и роскоши она лишь немного уступала хозяйской.

– Архитектор явно считал, – желчно хмыкнула леди Аннелин, показывая клиенткам эти комнаты, – что тут будет жить графиня. Но граф даже постоянной фаворитки не заводил, чтобы не связывать и без того несвободные руки.

– А от чего он… – Задумалась Мэри.

– Вино. В почтенном возрасте нужно пить молоко и сок.

– Это было здесь?

– Нет. Граф увлекался еще и рыбалкой. Вот на яхте и принял лишку, празднуя начало путины, – объяснила посредница.

Неспешно изучая комнаты левого крыла, девушки как-то одновременно оказались именно в той, секретарской спальне.

– Я выберу ее… – с надеждой смотрела на подругу герцогиня, – а ты не хочешь занять хозяйскую? Иначе, боюсь, нам придется искать друг друга по всему этажу. чтобы просто поговорить перед сном.

– Я не против, – твердо сообщила Дели, – но если эта комната будет моя. Ты бери графскую, тебе по статусу положено.

Мэри одарила подругу укоризненным взором, но настаивать не стала. Лишь тихо сказала с печальным вздохом:

– Вот этого я и боюсь больше всего, Дели. Вместо подруги получить прислугу. Понимаешь… так получилось, что у меня никогда не было ни сестер и кузин, ни настоящих подруг. Моя мать очень за меня боялась… и никого не подпускала. И это можно понять, если поставить себя на ее место. Пока она была фавориткой герцога, все придворные вились вокруг стаей льстивых кошек, а едва мой отец решил с ней расстаться, резко отвернулись и вчерашние «верные» подруги. И

мало того, еще и начали смеяться в лицо и открыто говорить гадости. Не только про нее, но и о не рождённом еще ребенке. Каюсь… я им отомстила, хотя и считаю такое неприемлемым для себя. Но тут не сдержалась… когда меня привезли в замок, и отец пояснил, зачем, я высказала лишь одно условие, никого из тех, кто жил там двадцать три года назад и травил мою мать, и близко быть не должно. Не знаю, куда они делись… но слуги косились на меня очень заинтересованно.

– Молодец, – одобрила Дели, – а меня ты не потеряешь. У меня тоже нет сейчас подруг… тех, что были, разогнала тетушка, да и стыдно им стало со мной дружить. Мне приходилось работать разносчицей и донашивать старье. Дружба всегда проверяется в беде, теперь я точно знаю цену этой поговорки.

– Тогда давай решим вопрос с оплатой твоего контракта, – как в воду с моста ринулась Мэри, – мне не по себе становится, едва представлю, как каждое первое число отсчитываю тебе монеты.

– Отсчитывай второго, – пошутила Дели, и тут же серьезно добавила, – а лучше просто забудь об этом. Я живу тут не за деньги, мне самой нужно на время исчезнуть, подучиться и спокойно продумать, чем и где я буду заниматься весной.

– Да, – согласилась герцогиня, – это важно, самой выбрать свой путь. Но у каждого человека должен быть надежный угол, где он может отогреться душой. И я хочу, чтобы у тебя такой угол был. Вот аккредитив, он без имени, но заверен моей подписью и печатью. По нему ты получишь десять тысяч золотых, и сможешь купить дом в любом городе.

– Да ты с ума сошла, – возмутилась ошеломленная природница, – если думаешь, будто я дружу с тобой за деньги? Да я никогда этого не возьму, ты же наверняка все свои запасы выскребла. Забери эту бумажку и не оскорбляй меня.

– Ты не поняла, Дели. Герцог Тарвенский очень богат. И все свои сокровища он передал мне вместе с короной. Вот она. – Мэри развязала потрепанную шляпную коробку и отодвинув всякую мелочь, перчатки, платочки, шарфики и прочее, достала давно вышедшую из моды громоздкую шляпу с букетиками атласных ирисов на тулье.

Дели настороженно смотрела, как подруга вытаскивает из шляпы небрежно смотанную пожелтевшую кружевную шаль, разворачивает и высыпает на столик раритетную корону, герцогскую печать и ритуальную звезду рода на весомой золотой цепи.

– Странно, – само сорвалось с ее губ замечание, – что мы до сих пор еще не сидим в самой высокой башне Ден-Греля. Обычно похитителей родовых ритуальных артефактов тайная стража находит за несколько часов.

– А ты хорошо осведомлена, – одобрительно заметила Мэри, – но я не похититель. Меня ведь короновали и теперь это мое. Однако обычно эти вещи хранятся в сокровищнице, кроме печати. И я сильно рисковала… вынося их из замка. Но оставить тоже нельзя было, тогда любой из наследников мог объявить меня погибшей и потребовать новой коронации.

– А оставить… никого надёжного не было?

– Леди Ортия, моя опекунша, – помолчав, невесело призналась герцогиня, – посоветовала, прежде, чем ухолить, откровенно поговорить с отцом. Не враг же он последнему ребенку, был ее главный довод. Я поверила житейскому опыту и не жалею. Может он и не полюбил меня так же, как погибших сыновей, но хотя бы постарался понять… и помог. Тайно, разумеется, и взяв слово, что к лету я вернусь, независимо от того, какое решение приму.

– А на что ты надеешься?

– Леди Ортия наняла сыщиков… у нее есть нужные знакомые. Ей кажется странной гибель моих братьев. Кроме защитных амулетов, на какие не скупился отец, замок полон бдительной охраны, и в довершение всего, там живет придворный маг, обязанный за ними присматривать. Герцог и подумать не мог, будто детям что-то может угрожать. Да и парнишки они были серьезные, не вертопрахи. После их гибели там месяц работали самые лучшие сыщики и маги короля… и все в недоумении разводят руками. Мальчишки ловко обманывали и помощников и гувернеров, демонстрируя модные велосипеды. И сухопутные и водные. А весенним утром, по обыкновению отправившись покататься на двойном, доехали до смотровой площадки на верху горы, достали спрятанные в пещерке крылья и за пять минут переделали велосипед в летающий аппарат. И улетели, охрана, которой они всегда запрещали подходить слишком близко,

опоздала на какие-то минуты. Я ничего в этом не понимаю… но даже мне ясно, что амулеты должны были поднять вокруг мальчишек щиты. А они не подняли… и никто не знает, почему.

Дели молчала, проклиная себя за разговор на эту тему, хотя и прежде догадывалась, как сильно потрясла ее подругу гибель юных герцогов. Однако Мэри довольно скоро взяла себя в руки.

– Поэтому возьми бумагу, Аделия, она весит немного. – пошутила она. – А у меня будет, куда иногда приезжать в гости.

– Какой еще вопрос? – спрятав аккредитив в кошель, осведомилась природница.

– Еще три. Первый, будем составлять расписание и жить по нему, как все приличные леди? Второй такой же, но о еде. Можно заранее писать меню или есть то, чего захочется.

– Что найдется в шкафу, – со смешком подсказала Дели, – лично я против всяких расписаний. Моя жизнь в последние годы была подчинена строгому распорядку, и я просто мечтаю пожить свободной кошкой. А третий?

– Будем настаивать, чтобы нам привезли прислугу, или попытаемся справиться сами? Учти, меня всему нужно учить.

– И все же попытаемся, – постановила природница, – я займусь изучением магии, леди Аннелин обещала прислать книги. И первым делом выучу бытовые заклятья, природникам они легко даются.

– А я попросила мольберт и краски… так давно не рисовала спокойно, – мечтательно вздохнула Мэри и вдруг смутилась, – в замке свободного времени хватало, но за мной подглядывали почти открыто, и обсуждали вслух.

– Зато ты уже точно знаешь, кого в первую очередь нужно выставить из замка, когда вернёшься, – с усмешкой намекнула Дели подруге.

Та на миг задумалась, но ответила очень уверенно.

– Да, я постепенно начинаю сознавать, что не стоит тратить свою жизнь на попытки понять или задобрить злобных дураков или подлецов. Если есть возможность, лучше избавляться от них сразу и навсегда.

И с этим Дели была полностью согласна.

Следующие дни они посвятили изучению дома и разных строений, тянувшихся вдоль северной части ограды. В основном там стояли конюшни и псарни, над которыми имелись комнатки для прислуги. Чуть поодаль высились возведённые над амбарами сенники, и по ним гуляли холодные сквозняки.

Через пять дней Торп привез несколько объемистых тюков, одежду, мольберты, книги и учебники по магии. Жизнь в охотничьем доме начала налаживаться. В низких бочках уже пышно зеленели лук, укроп и петрушка, краснел базилик, белела цветная капуста, блестели фиолетом баклажаны и нежно румянился кудрявый салат. По соседству свисали с подпорок алые грозди томатов и перца, радовала глаз россыпь зеленых колючих огурчиков и пышные плети гороха и фасоли.

Торп увез с собой полную корзину плодов первого урожая, и его и без того огромное уважение к Дели взлетело на неизмеримую высоту.

– Кто такие герцоги и графы? – веселилась Мэри, – если от них никакого проку? Природник – вот настоящий герой. Хочешь редиску – получи редиску, хочешь землянику – да бери. А кто-то обещал яблоки?

– Вон уже растут, – указала Дели на рядок тоненьких, с карандаш, деревьев. – И яблоки и апельсины и лимоны. Ну и всякие вишни. Дня через три зацветут.

Они и в самом деле зацвели, стояли пышными букетами душистой бело-розовой пены. А за окнами, словно завидуя им, валил густой снег, спеша укутать почерневшие ветви окрестных дубов.

Глава десятая

С того дня снегопады атаковали лес с неизменным постоянством. Зима, вдруг спохватившись, спешила возместить деревьям, кустам и мелким зверушкам недоданную красоту и защиту. А у Дели резко прибавилось работы. Снег нужно было чистить.

И очень скоро девушка осознала, что это не так-то просто, как кажется со стороны, если смотришь в окно на неспешно махающего лопаткой дворника или привратника. Пышный, как пух, снег на лопате становился намного тяжелее, чем в тот момент, когда так красиво сыпался с неба. И с лопатки норовил соскользнуть и руки быстро уставали, несмотря на заклинание силы, которое природница кастовала на себя.

Разумеется, Дели попробовала убирать своими, привычными методами. Сыпала зерно, заставляя корни впитывать воду, и снова сыпала созревший урожай. Почистила кусочек дорожки шага три в длину и ощутила за диафрагмой неприятный холодок. Резерв был пуст.

Девушка еле добрела до кухни и рухнула на стул мешком с мукой. Рядом тихонько заскулила Ирта.

– Что случилось? – с галереи второго этажа, где устроила себе мастерскую, прибежала Мэри.

Испуганная, в краске, с кисточками в руках.

– Просто сил не хватает на снег, а он сыпет все гуще, – мрачно призналась Дели.

– Значит, будем звать слуг, – мгновенно решила герцогиня, – сейчас напишем письмо, и я принесу голубя.

– Стой, не спеши. Голубю нужно добавить сил, иначе не долетит, а я пуста. Да и если доберётся, все равно они приедут не сразу, Торп говорил, тут напрямик до города почти двадцать миль. А им нужно собраться, да и ехать по снегу не так просто. Если выедут завтра спозаранку, то хотя бы к ночи добрались. Сначала я отдохну и покопаюсь в книгах, может есть способ попроще.

– Ладно, – покладисто кивнула герцогиня и поспешила к шкафу, доставать наготовленную заранее еду.

Дели читала книги несколько дней и мрачнела все сильнее. Как выяснилось, самый простой способ она прозевала. Природники не чистили снег, они его просто не пускали на свои дорожки. Как и дождь. Еще в конце лета выращивали по бокам дорожек густые заросли любых растений, тую, самшит или просто хмель. Да хоть камыш, если временно. Сплетали стебли или ветви в сплошной купол, и укрепляли до нужного. Всё, вода стекала, снег ложился теплой кровлей и природник гулял, не замочив подошв.

А Дели об этом не подумала, в их дворике снег за несколько медяков чистил соседский привратник. Да и никогда не бывает столько снега в столице, оставшейся где-то далеко на юге, А теперь, чтобы вырастить такой тоннель, потребуется очень много магии, в промерзлой почве даже у природников семена прорастают очень неохотно, с трудом преодолевая вложенный самим бытием запрет на несвоевременное пробуждение. Тем более если приказ мага не подкреплен ни горячей водой, ни порцией энергии.

– Знаешь, я хочу рассказать тебе про мать… – с сочувствием поглядев на расстроенную подругу, сказала Мэри в один из вечеров, когда они мирно сидели в гостиной у камина, читая каждая свою книгу.

Толстый фолиант о секретах приемов живописи Торп привез Мэри в последний визит, предупредив, что отныне приезжать будет раз в декаду. Слишком нелегким стало это дело.

Других книг в охотничьем доме не было, и понятно, отчего. С чего бы графу пришло в голову тащить их в такую даль, если другие книжки, более интересные и живые ехали сами, верхом и в двуколках?

– Рассказывай, – Дели немедленно отложила том, все равно больше ничего там нет. – Но если это не доставит тебе боли.

– Нет… это старое. Моя мать была очень экономной… я говорила? Казначей каждый год присылал ей шестьдесят золотых, по пять в месяц.

– Не густо, – признала природница.

– Мы жили в Крете, это небольшой городок на южном побережье, – пояснила Мэри, – там овощи и рыба стоят недорого. И вообще жизнь дешевле. Не нужно много дров, теплой одежды и обуви… нам хватало. И на еду, и на одежду и на учителей для меня. Но лишнего мать никогда не тратила, если можно было положить монетку в копилку – туда ее и клали.

– Ты не спросила у отца, почему он давал так мало? – не выдержала Дели, – ведь с его богатством даже не заметил бы, давая в десять раз больше.

– Спросила, – вдруг усмехнулась герцогиня, – мне даже поверить трудно, что ты не ментал. Настолько хорошо знаешь мои мысли. Так вот… он и сам не знал, сколько мать получает. Просто приказал дворецкому купить ей приличный дом и платить достаточное содержание и счел дело сделанным. Не забывай, тогда ему было примерно сколько мне сейчас, и он не имел никакого представления о ценах и нуждах маленьких детей. И все же дворецкий написал – сто золотых в месяц. Мы его вызвали и допросили.

– Так куда тогда девалось остальное? – опешила природница.

– Бабушка позаботилась. Старая герцогиня от скуки иногда проверяла отчеты и увидела эту цифру. Задала пару вопросов, скривилась и перечеркнув, поставила свою. Добавив – в год. У нее видите ли хорошие чтицы столько получают, нечего бывшую фаворитку баловать. Про меня она не знала… а сказать дворецкий побоялся. От ярости отец скрипел зубами… но ее уже нет и спросить не с кого. Но рассказывать я начала не поэтому… мне вспомнилось другое. Каждую зиму, а она там короткая, мать сеяла в горшок немного семян зелени. Она любила суп с укропом… а на рынке он зимой дорог. И прекрасно рос на подоконнике… даже когда открывали окна. Ведь корни были в тепле? И у тебя сейчас все растет…

– Мэри… – с чувством выдохнула ее подруга, – ты нас спасла от чужих людей на кухне. Я уже думала, пора заказывать теплый пеньюар, чтобы ходить позавтракать. Но теперь обойдусь шалью, как прежде. Действительно, можно вырастить в доме все, что угодно, и просунуть стебель на улицу. Завтра с утра и начну. За ночь успею обдумать, как лучше устроить.

На этот раз Торп ехал в охотничий дом с тяжелым сердцем. Хотя и сказать, что он едет – было не совсем верным. На редкость снежная зима превратила лесные дорожки в непроходимые сугробы и могучий лесник больше махал лопатой, пробивая узенькую стежку, чем сидел в седле. Зато не мерз, казалось, даже пар валит от раскрасневшегося лица. Не мерзли и лошадки, хорошо накормленные и напоенные перед трудной дорогой. Зато на дальний волчий вой нервно оглядывались и пугливо прядали ушами. Лесные хищники начинали голодать.

Лесник мрачно вздохнул, его подопечным очень повезло, что у леди Дели такой дар, можно не переживать что им придется страдать от нехватки еды. Она и зерна может вырастить, а мучку и яйца он везет. Вообще много чего везет в этот раз. Кроме окорока и колбас тушки гусей и индеек и мешок отборной вырезки. Еще корзины с кругами масла, сыра и замороженных сливок. Прихватил и семена… каких прежде не привез.

И, как ложку дегтя, вез нерадостное известие, что в следующий раз приедет очень не скоро. Теперь никак не получается обернуться за один день, лошади не дойдут, да и сам он нуждается в отдыхе. Ведь все хозяйство легло на одни плечи, Сонне пришлось перебраться в город, дети наотрез отказались жить у бабушки, командовавшей ими как взводом егерей. Спасибо леди Аннелин, помогла быстро купить неплохой домик, из тех, что покупала для своих целей через третьи руки. Теперь его семья вполне счастлива, и хоть за них можно не беспокоиться.

Зато тяжким камнем висит на шее забота о сидящих в глуши девушках, посреднице так и не удалось найти для них надежных помощников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chirkova_vera/spyaschiy-krasavec

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити